

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

XXI

ВЕКА

молодые
китайские писатели

кумиры нового
поколения

впервые
на русском языке

красные туфельки

■ издательство каро

Сборник
Алексей Анатольевич Родионов
Красные туфельки.
Китайская проза XXI века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806680

*Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей: Пер. с кит. яз. /Отв. ред. А. А. Родионов; Сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-9925-0945-8*

Аннотация

В сборник вошли одиннадцать повестей и рассказов молодых китайских писателей Чжан Юэжэнь, Шэн Кэи, Нань Фэйяня, А И и др. Ни один из этих авторов не знаком русскоязычному читателю, между тем как в Китае они занимают заметное место на литературном Олимпе, отмечены разнообразными премиями, их книги выходят огромными тиражами, по их сценариям снимают фильмы.

Калейдоскоп сюжетов и персонажей из произведений этого сборника позволяет представить духовный облик современной китайской молодежи, познакомиться с ее проблемами,

сомнениями, планами и радостями, а также увидеть, на каком фоне вызревает и рождается китайская мечта.

Содержание

Молодая кровь китайской литературы	8
Нань Фэйянь	14
Чжан Юэжань	132
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Красные туфельки
Сборник произведений
МОЛОДЫХ КИТАЙСКИХ
писателей

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА XXI ВЕКА

Союз китайских писателей

Институт Конфуция в СПбГУ

Издание осуществлено при поддержке Института Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете и Союза китайских писателей.

Авторские права на публикацию переводов на русский язык предоставлены Союзом китайских писателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРО
Санкт-Петербург

© Союз китайских писателей, 2014

© Институт Конфуция в СПбГУ, 2014

© Власова Н. Н., Егоров И. А., Родионов А. А. – составление, 2014

© Родионов А. А., Власова Н. Н., Егоров И. А., Митькина Е. И., Халина О. В., Никитина А. А., Родионова О. П., Корнильева Т. И. – перевод, 2014

© КАРО – оформление, подготовка оригинал-макета, 2014

Молодая кровь китайской литературы

Китай – большая литературная страна. Сегодня в Поднебесной почти полтора миллиарда жителей, из которых около 80 % читают художественную литературу. В стране ежегодно публикуется более 15 000 художественных книг общим тиражом свыше 160 миллионов экземпляров. Из этих изданий 3000 наименований – романы, а количество повестей, рассказов и стихотворений не поддается исчислению. Кроме того, в стране издается более 600 литературных журналов, постоянно набирает силу интернет-литература – в сети действует около 500 специализированных литературных сайтов. Число писателей перевалило за миллион, из них примерно 10000 состоят в Союзе китайских писателей и имеют общенациональное признание. Конкуренция на литературной арене чрезвычайно высока, и это побуждает литераторов к ориентации на интересы массового читателя, к постоянным творческим экспериментам.

2014 и 2015 годы объявлены Годами дружественных молодежных обменов между Россией и Китаем. Специально к этому важному событию Институт Конфуция в Санкт-Петербургском университете совместно с Союзом китайских писателей подготовили сборник переводов молодых китай-

ских писателей-прозаиков. Ни один из этих авторов не знаком русскоязычному читателю, между тем как у себя на родине они занимают заметное место на литературном Олимпе, отмечены разнообразными премиями, их книги выходят огромными тиражами, по их сценариям снимают фильмы. Более того, уже несколько лет в китайских рейтингах самых зарабатывающих и популярных литераторов первые места занимают именно молодые писатели.

Интересно отметить, что знаковые произведения тех, кого мы привыкли считать классиками китайской литературы XX века, были созданы ими в возрасте до сорока лет. Так, Лао Шэ (1899–1966) написал свои лучшие романы «Развод» и «Рикша» соответственно в 34 года и 38 лет. На момент выхода хрестоматийного романа «Семья» его автору Ба Цзиню (1904–2005) было 27 лет. Слава Бин Синь (1900–1999) достигла апогея, когда этой поэтессе и писательнице было около 20 лет. Даже знаменитая повесть «Подлинная история Акью» такого корифея, как Лу Синь (1887–1936), тоже была написана до 40-летия писателя. Молодая кровь продолжает продвигать китайскую литературу на новые рубежи и в XXI веке.

Все писатели из нашего сборника родились уже после «культурной революции», преимущественно в 1980-е годы. Они имеют богатый и разнообразный жизненный опыт, много путешествуют по миру, владеют иностранными языками, часть из них училась за границей. Неудивительно, что в их

произведениях помимо картин современной китайской жизни мы ощутим и дыхание всей планеты, где расстояния между странами и культурами стремительно сокращаются.

Повесть «Красное вино» принадлежит перу сценариста Хэнаньской киностудии Нань Фэйяня (1980 г. р.). Писатель рассказывает историю карьерного взлета и неудач в личной жизни молодого разведенного чиновника. И то и другое было бы невозможно без красного вина, знатоком которого является главный герой.

Пронзительная повесть «Красные туфельки» культовой представительницы «поколения 1980-х» Чжан Юэжань (1982 г. р.) посвящена трагическим отношениям наемного убийцы и взятой им на воспитание девочки – дочери его жертвы. Нарочитая жестокость героев пощекочет нервы читателям.

Автор повести «Законопослушный гражданин», журналист гламурных изданий Цзян Фэн (1983 г. р.), закрутил невероятный и вместе с тем вполне реальный любовно-детективный сюжет, который до последней страницы не перестает преподносить читателям сюрпризы.

Перу девушки-редактора из журнала «Народная литература» Ма Сяотао (1982 г. р.) принадлежит повесть «Супруги с черновой отделкой», живописующая, как бьется за место под солнцем молодая семейная пара, после окончания университета оставшаяся в Пекине и приобретающая на окраине китайской столицы квартиру без отделки. В рассказе прав-

диво изображены мечтания и разочарования, радости и горести современной китайской молодежи.

В рассказе «Когда же мой черед?» молодая писательница Ди Ань (1983 г. р.) выводит повествование за рамки обычной реальности и рисует диалоги старика с периодически являющимся ему Духом смерти.

Армейская писательница Ван Тянь (1976 г. р.) из провинции Сычуань в рассказе «Помню время, когда уходили в поход» повествует о трогательной ситуации, когда на пороге старческого слабоумия муж облегчает душу и открывает старушке-жене правду о том, что он не тот, за кого всю жизнь себя выдавал, что он брат-близнец ее настоящего возлюбленного.

В рассказе «Обычные люди», принадлежащем перу бывшего полицейского, а ныне автора детективов А И (1976 г. р.), читатель прочтет о запутанном расследовании убийства одного неплохого человека, совершенного другим хорошим человеком из самых высоких побуждений – ради исполнения сыновнего долга. Литератор показывает, что в современном обществе бедность и безысходность способны превратить человека в зверя.

Шанхайский писатель Сюй Цзэчэнь (1978 г. р.) посвятил свой рассказ «Сезон дождей» душевному смятению и целому комплексу чувств, охвативших китайского подростка четырнадцати лет, влюбившегося в женщину легкого поведения.

Выпускник престижного Фуданьского университета Фу Юэхуэй (1984 г. р.) является выходцем из горной деревеньки в юго-западной провинции Юньнань. Неудивительно, что и действие его повести «Рыбий царь» тоже происходит в горном захолустье, где разгорается конфликт между крестьянами и предприимчивыми рыбозаводчиками, взявшими в аренду близлежащее озеро. Жертвой разыгравшейся драмы становится Рыбий царь – полумифическое существо, обитавшее в деревенском водоеме.

Рассказ «Папа не умер», написанный автором из провинции Сычуань Янь Гэ (1984 г. р.), посвящен жизни успешного бизнесмена, скрывающего от жены и матери свои любовные похождения.

В провокационном и отчасти автобиографичном рассказе «Сфинкс» известной гуандунской писательницы Шэн Кэи (1973 г. р.) героиня ищет личное счастье и узнает необычных людей, с которыми ее сводит судьба. Сюжет развивается на фоне любовных перипетий в среде богемной китайской молодежи.

Калейдоскоп сюжетов и персонажей из произведений этого сборника позволяет представить духовный облик современной китайской молодежи, познакомиться с ее проблемами, сомнениями, планами и радостями, а также увидеть, на каком фоне вызревает и рождается китайская мечта.

А. А. Родионов

Институт Конфуция в Санкт-Петербургском государ-

ственном университете

Нань Фэйянь

Красное вино

###

##

1

Цзянь Фанпин вовсе не был старым, его считали немолодым, поскольку он уже успел развестись, но вообще-то он развелся в тридцать четыре года. На самом деле в тот год много чего случилось. Продвижение по службе и развод – два по общему признанию важных события, одно произошло вскоре после тридцать четвертого дня рождения, а второе – уже накануне тридцатипятилетия, подчеркивая все многообразие красок прошедшего года. Из простых референтов в заместители главного референта – естественно, это продвижение по службе, значит, и повышение, а раз повышение, то и с верхами общаться стало удобнее. К примеру, замначальника департамента Чжун любит красное вино, все в департаменте в курсе, и Цзянь Фанпин не исключение. Но знать – это одно, это начальная стадия. В департаменте немало народу хотели бы завоевать его благосклонность, но кому-то это не по силам, а кому-то не под стать. В их отделе одновре-

менно с Цзянь Фанпином повышение получил Сяо Ли, он был старше на два года, но Цзянь Фанпин выглядел солиднее. Как-то раз они вместе с замначальника Чжуном ездили в командировку, когда садились в машину, Сяо Ли бросился открывать перед начальством двери. Цзянь Фанпину ничего не оставалось, кроме как вызваться вести машину; душа пропиталась презрением, словно мокрое полотенце, он его выжимал-выжимал, и гнев по капельке выходил. В дороге было скучно, Сяо Ли порывался поговорить о красном вине, сразу видно, что подготовился. Замначальника Чжун пребывал в приподнятом настроении, они с Сяо Ли общались, а Цзянь Фанпина игнорировали. Сяо Ли сидел на пассажирском сиденье, будешь говорить тихо, начальник может не услышать, а если громко, можешь показаться назойливым, поэтому ему приходилось поворачиваться и выгибать шею так, будто с рождения кривошея. Цзянь Фанпин как послушал, так сразу понял, чего он стоит, не иначе как купил пару книг, зазубрил что-то в последний момент. По дороге они вышли из машины покурить, Сяо Ли по-прежнему узурпировал право голоса. К счастью, начальника Чжуна черт дернул за язык спросить, что они оба читали о красном вине. Цзянь Фанпин осторожно сказал, что он особо этот вопрос не исследовал, но кое-что читал из Бальзака. Замначальника Чжун и впрямь заинтересовался. Цзянь Фанпин пояснил, что в университете изучал китайский язык, а его преподаватель иностранной литературы был специалистом по творчеству Бальзака, и на

парах часто цитировал отрывки, посвященные красному вину.

– А что за отрывки? Ну-ка расскажи!

Замначальника Чжун выкинул окурок, и они сели в машину. Поскольку разговор еще не был окончен, то Сяо Ли, разумеется, плюхнулся на водительское сиденье, а начальник Чжун похлопал по сиденью рядом с собой, сказав, мол, Сяо¹ Цзянь садись назад, так будет удобнее разговаривать. Цзянь Фанпин сел на расстоянии, и сердце его затрепетало. Долина реки Луары – знаменитый французский винодельческий регион, Бальзак родился там в городе Туре и обожал долину Луары; великие романы, которыми зачитывается уже не одно поколение, «Лилия долины» и «Отец Горио», написаны именно там.

Замначальника Чжун с удивлением покивал головой:

– Точно, я в прошлом году ездил во Францию, и принимающая сторона специально организовала экскурсию в замки Луары, там еще есть музей Бальзака, как же он называется?

Цзянь Фанпин спросил:

– Шато де Саше?

Замначальника закивал:

– Точно, Шато де Саше!

– Там еще есть большой виноградник? — спросил Цзянь

---

¹ Сяо – дословно «маленький, молодой». Данное слово может быть добавлено перед фамилией при обращении старшего к младшему, вышестоящего к нижестоящему.

Фанпин.— А в самом замке есть старинная винодельня?

Замначальника Чжун без конца нахваливал его, а во взгляде читалось удовольствие, и тут Цзянь Фанпин очень кстати сказал со вздохом:

— Это все осталось со времен Бальзака, в Шато де Саше производили красное вино, а еще там жил Бальзак, все исследователи французской литературы считают это место настоящей Меккой.

Замначальника Чжун рассмеялся:

— Вот уж не знаю, сошел ли я за любителя литературы!

Вечером Цзянь Фанпин и Сяо Ли поселились в одном номере. Сяо Ли, лежа в кровати, со страдальческой гримасой безостановочно разминал шею. Цзянь Фанпин специально спросил:

— Господин Ли, у вас с шейными позвонками проблема?

Сяо Ли горько рассмеялся, но ничего не ответил. Ночью слышно было, как он ворочается и охает. Цзянь Фанпин думал: «Вот так знания меняют судьбу. Кто ж виноват, что ты не учил в университете китайский язык и литературу? Кто виноват, что ты не знаком с творчеством Бальзака?» Он чуть было не засмеялся, потом притворился, что похрапывает, размышляя: «Говорят, что литература — сила, судя по всему, не врут, Бальзак действительно великий писатель, а литература и впрямь может спасти человека, причем не только душу, но и тело». По крайней мере, в тот вечер он уснул спокойно.

Не прошло и пары дней после возвращения из командировки, а департаменту нужно было подвести итоги конкурса на лучшее в провинции городское управление, и замначальника Чжун лично назначил Цзянь Фанпина, чтобы тот изучил вопрос и подготовил материалы. Это стало началом разрыва с женой. История стара как мир. Жене Цзянь Фанпина Ду Сюаньвэй стало нестерпимо скучно, и, как говорят в таких случаях, «красный абрикос через стену пророс», то есть завела она себе любовника, а муж так и пребывал в неведении. Когда Ду Сюаньвэй потребовала развода, он действительно очень переживал какое-то время, думал, что из-за занятости на работе пренебрегал семьей, пытался загладить вину перед женой, причем не только на словах, но и на деле. Он дарил ей цветы, одежду, сумочки, украшения, собрав в итоге Ду Сюаньвэй приданое для второго брака. Кроме сына, она ему ничего не оставила. Разводились они почти год, в соответствии с подписанным соглашением, а в итоге они с сыном Цзянь Сяовэем без особого энтузиазма въехали в казенную двухкомнатную квартиру площадью в шестьдесят шесть квадратных метров.

Первым делом после развода Цзянь Фанпин перевез к себе родителей. Во-первых, кому-то нужно было заботиться о сыне, во-вторых, он действительно не мог найти никого, с кем можно было бы комфортно жить под одной крышей. Через два месяца после развода его бывшая жена снова вышла замуж, причем, по слухам, свадьба была шикарной, жених,

младше ее на три года, кричал, что они будут до конца дней своих любить и оберегать друг друга. Цзянь Фанпин только тогда узнал истинную причину развода. Его университетский приятель, работавший адвокатом, с досадой сказал, что если бы пораньше это выяснилось, то квартира и накопления достались бы ему. Цзянь Фанпин великодушно улыбнулся, а на лице застыло такое безмятежное выражение, что позавидовала бы и бодхисаттва Гуаньинь². Но улыбка эта была горькой, фальшивой. Короче говоря, неприятной. Дело в том, что помимо адвоката и его супруги в их компании была одна девочка. Подобная сцена в последующие годы повторялась во множестве вариаций и под множеством предлогов. Цзянь Фанпин понимал, что всем хочется найти ему пару.

Фамилия «девочки» была Лю, звали ее Лю Цзинли, и ей уже исполнилось тридцать. Именовывать женщину в таком возрасте «девочкой» несколько жестоко, но адвокат и его жена дружно называли ее именно так. Они говорили: «Да таких девочек, как она, реально днем с огнем не сыщешь». Или: «Вы, девочки, просто не понимаете, что только разведенный мужчина по-настоящему умеет любить жену». И все такое прочее. Сначала Цзянь Фанпин не догадывался о собственной миссии, но когда понял, чего от него ждут, то сразу же вошел в роль. Впоследствии, обдумывая случившееся,

---

² Гуаньинь – персонаж китайской, корейской и японской мифологии, божество, выступающее преимущественно в женском облике и спасающее людей от всевозможных бедствий (здесь и далее примечание переводчика).

Цзянь Фанпин со смехом и грустью обнаружил, что у него прямо-таки талант к флирту. Важно, что у него неплохая должность в государственной организации, но что еще важнее – он не слишком поздно обнаружил вышеуказанный талант.

Лю Цзинли работала секретарем в фирме, с которой у конторы однокурсника-адвоката были какие-то деловые связи, в итоге смотрины сочетали личные и общественные интересы. Цзянь Фанпин еще какое-то время был подавлен, на автомате ел пил, ходил, подписывал документы. Хотя арендная плата за квартиру была чисто символическая – несколько десятков юаней, но сын ходил в самый дорогой детский сад во всей провинции. Большую часть зарплаты каждый месяц приходилось отдавать коренастой директрисе детского сада, в итоге оставалось на все про все где-то около пятисот юаней. Цзянь Фанпин остро осознавал, что с таким материальным положением швырять деньги на мимолетные увлечения нелепо и рискованно, но все-таки прилагал все усилия, чтобы роман развивался. Отрабатывал приемы на будущее. Его оценка оказалась реальной и правильной, он, глядя с высоты своего опыта, предвидел, что впоследствии таким смотринам не будет конца и края.

Адвокат перепил. Его супруга, поддерживая мужа, сказала Цзянь Фанпину, мол, муж совсем плох, вы уж сами проводите «девочку», но чтоб без баловства.

«Плох твой муж или нет, это только ты знаешь, а если со-

всем плох, то и я мог бы его подменить». Цзянь Фанпин сдержался и не произнес эту фразу вслух, а рассмеялся и сказал:

– Я уже вышел из того возраста, когда позволяют себе баловство, я и баловство – это как дворники и ветровое стекло: хоть и близко, но никто ни к кому не прижимается.

– Вот ведь туману напустил! – бесцеремонно дала оценку жена адвоката. – У опытных мужчин масса приемчиков. Сяо Лю, смотри, не попадись на его удочку!

Впервые он услышал такую оценку, с сознанием своей правоты покачал головой и улыбнулся, решив не возражать и украдкой глядя на Лю Цзинли. Она молчала, но лицо слегка покраснелось, возможно, от нескольких бокалов красного вина, которые только что выпила, возможно, это была физиологическая реакция на слово «удочка». Они вчетвером вместе спустились. Супруга адвоката, извиняясь, объяснила, что только что получила права и боится ездить долго, а потому не может развезти их по домам. Лю Цзинли тут же сказала:

– Не стоит беспокоиться, я живу поблизости.

Цзянь Фанпин тут же почувствовал, что она говорит не просто так, а с намеком, раз близко, значит, можно пойти пешком, а тогда у них будет возможность узнать друг друга получше. И действительно, стоило адвокату и его жене уйти, как Лю Цзинли опустила голову и сказала:

– Я и правда очень близко живу, можешь меня не провожать, я сама дойду.

Разумеется, он ответил:

– Да где это видано! На мне лежит ответственность! Есть же пословица: человека провожай до самого порога, а будду – до западного неба. Значит, раз взялся помогать, так помогай до конца.

Она вскинула голову и рассмеялась:

– А ты веселый, не похож на обычных чиновников.

Благодаря многолетней практике в роли референта Цзянь Фанпин привык анализировать реплики собеседника, вот и сейчас в случайно брошенной фразе Лю Цзинли он увидел двойной смысл. Во-первых, ей нравится его чувство юмора, во-вторых, она ценит его положение чиновника. Раз нравится, значит, все возможно, если ценит, то есть повод рассчитывать на симпатию. И то и другое добрый знак.

Прогулка длилась недолго, но вряд ли сюда подходила характеристика «очень близко». Он всю дорогу про себя усмеялся этому детскому вранью и ее потугам. Уже возле жилого комплекса Лю Цзинли растерялась оттого, что ее уловки раскрыты, и промямлила, что соседка, наверное, легла спать, неудобно пригласить его в гости. Он снисходительно улыбнулся и махнул рукой. По дороге домой Цзянь Фанпин думал, что эта женщина, наверное, не притворялась. Ей уже тридцать, а работает секретарем на какую-то шишку, и даже собственной ванной у нее нет. Она страстно желает изменить судьбу, раз уж собственные усилия не принесли желаемого результата, то нужно прыгнуть наверх с помощью трамплина

под названием «брак». Поэтому она явно торопит события, ну, или в душе на это надеется, но на лице все еще маска сдержанности. Но притворство, к сожалению, это притворство, притворство можно сбросить, но вот выражение лица ложится на кожу, кожа натянута на плоть, а плоть обрамляет душу. В итоге лицо выдает все, что на душе. Через много лет Цзянь Фанпин придет к выводу, что успех флирта зависит от цели: у кого требования меньше и попроще, в этой мимолетной игре захватывает лидерство, соблюдает технику безопасности и обходится без несчастных случаев. В любой игре участникам необходима страховка, если ее не будет, то игра растревожит душу.

На пороге квартиры Цзянь Фанпин достал ключ и услышал плач, доносившийся изнутри. У него упало сердце. Ключ словно бы покрылся ржавчиной прямо в замочной скважине и никак не хотел проворачиваться. Да, это сын, прижавшись к бабушкиной груди и закрыв глаза, звал маму. Шестилетний ребенок уже много чего понимал, его не так легко было обмануть. У матери Цзянь Фанпина покраснели глаза, она вздохнула, глядя на сына, одной рукой похлопывая внука, словно бы хотела стряхнуть все его детские горести.

Отец и так был заядлым курильщиком, а от расстройства страсть к курению только усилилась, после развода Цзянь Фанпина он не расставался с сигаретой. Цзянь Фанпин стоял рядом с отцом, и табачный запах проникал ему в ноздри, а оттуда пытался просочиться в самое нутро. Балконная дверь

была открыта, отец высунулся наружу, и виднелся лишь его силуэт в сизой табачной дымке. Отец сделал глубокую затяжку, потом выдохнул, и вместе с дымом медленно выплывали слова:

– Вы развелись, а каково ребенку?

Цзянь Фанпину это показалось смешным. У родного сына брак развалился, а он беспокоится не о сыне, а о внуке. Он немного помолчал, а потом попросил у отца сигаретку. До этого Цзянь Фанпин не курил. Но отца просьба не удивила, он дал сигарету. Хотя Цзянь Фанпина никто не учил, он интуитивно сделал глубокую затяжку и почувствовал, как в голове все поплыло. Отец снова спросил:

– Ты делать-то что собираешься?

– А что тут собираться? Буду жить и заботиться о вас и Вэйвэе.

Отец покачал головой:

– А если мы порем, тогда что?

Цзянь Фанпин не нашелся что ответить, лишь судорожно затягивался. Отец мельком глянул на него, не переставая качать головой:

– Кури, что за мужик, если не курит?

Отец, бывший военный, ставший чиновником, всю жизнь отработал в окружной дисциплинарной комиссии, а потом все так же в ранге местного чиновника вышел на пенсию. У него в производстве было очень много дел, поэтому он и дома всю командовал, хотя гнева не показывал, а всегда

ждал, что собеседник сам объяснит проблему, но при этом в голове всегда имел план решения. Может быть, отец видел много дурных людей, а потому и к хорошим людям относился с подозрением, считал, что они хороши только внешне. Цзянь Фанпин с детства был очень дисциплинированным, никакого баловства, даже в университете, в аспирантуре и после свадьбы по-прежнему соблюдал правила приличия, не притрагивался к сигаретам и алкоголю, жил себе спокойно безо всяких перипетий. Отец пожил у них с женой немного, понаблюдал, а потом набрался смелости и намекнул матери, что брак сына продлится недолго. Его слова сбылись, но кроме самодовольства отец испытывал настоящую тревогу, а когда отец тревожился, то атаковал в лоб. Цзянь Фанпин, услышав слова отца, смутно почувствовал что-то неладное. Как и следовало ожидать, отец повернулся, закрыл дверь на балкон, а следом и двери в комнату, а потом резко спросил:

– У тебя что... по этой части проблемы? Ду Сюаньвэй была недовольна?

Цзянь Фанпин, будучи неопытным курильщиком, чуть ли не весь дым втянул в себя, не выдержал и закашлялся, а отец тем временем продолжал:

– Если так, ты не беспокойся, у меня есть армейский друг, который всю жизнь занимался китайской медициной, любую болезнь может вылечить.

Цзянь Фанпин понял, что молчать дальше нельзя, похлопал отца по плечу и успокоил:

– Пап, у меня все в порядке.

– Правда все в порядке?

– Мне же нельзя пригласить девушку по вызову, чтобы ты проинспектировал на месте?

– Хрен ты этакий! – Отец наконец улыбнулся. Он всегда давал такую оценку, если одобрял кого-то.

Цзянь Фанпин подумал: «Похоже, и правда требуются доказательства». Ну, проститутку, естественно, искать не надо, но у него же есть потенциальная подружка.

– Найди себе кого-нибудь, лишь бы к Вэйвэю хорошо относилась, можно и разведенную, все равно. – Отец помолчал немного, а потом добавил: – Но лучше без детей.

Было уже поздно. Цзянь Фанпин ворочался в кровати с боку на бок. Разведенную? Все равно? Сама идея о втором браке казалась ему чем-то далеким и недостижимым, как звезды. Замначальника Чжун уже намекнул ему, что, возможно, вскоре в названии должности Цзянь Фанпина исчезнет слово «референт», и он займет должность начальника бюро. Место замначальника бюро вовсе не сулит золотые горы, но все мечтают о такой должности в бюро планирования, социального управления, внешних сношений и в канцелярии департамента, куда пристроит его замначальника Чжун. Да можно даже в информационном бюро или в какой-то организации, которая напрямую подотчетна департаменту. Разведенный немолодой мужчина обязан перейти этот рубеж. Да, немало тех, кто всю жизнь торчит на должности зама, но

это все равно что всю жизнь быть куколкой и издали смотреть, как другие расправляют разноцветные крылья. А ведь жизнь изначально была такая яркая, а когда все смешалось, то наступила непроглядная тьма; если все разложить по полочкам, то снова жизнь заиграет красками. Он четыре года учился в университете, потом три в аспирантуре, девять лет был женат, пережил две реорганизации, разве не ужасно, если он до конца жизни так и проведет замначальника бюро, в крошечной тьме? Разумеется, он только что развелся, отношения еще в зачаточном состоянии, у него старые родители и маленький ребенок, в стольких делах ему настоятельно требуется надежный запасной аэродром. Девушку не бросишь, отца с матерью не бросишь, сына не бросишь – у него сразу везде свербит.

На следующее утро, только Цзянь Фанпин появился на работе, как позвонил приятель-адвокат и тут же отчитался, как прошли вчерашние учения. Лю Цзинли неудобно было позвонить напрямую адвокату, поэтому она окольными путями попросила у его жены телефон Цзянь Фанпина. Адвокат для красного словца немного приврал, так что даже Цзянь Фанпин подумал: а не слишком ли быстро он из грязи да в князи? Когда он повесил трубку, то ничего особо делать не хотелось, даже когда отчитывался замначальника Чжуну о проделанной работе, то постоянно отвлекался, думал, что делать, когда она позвонит. Пригласить ее в ресторан или в кино? Взять за руку или лезть с поцелуями? Форсировать со-

бытия или притормозить? Подобные мысли настойчиво лезли в голову, так изголодавшийся человек не может не думать о вкусной еде. Рабочий день близился к концу, а звонок, которого он ждал, так и не раздавался, в итоге «вкусные блюда» из его фантазий были уже изрядно приправлены специями. Когда он выходил из лифта, уже потеряв всякую надежду, пришла эсэмэска: «Привет, это Лю Цзинли. Ты закончил работать?»

Он стоял в дверях лифта и долго возился с телефоном, набирая ответное сообщение: «Только что вышел из офиса. Вечером поужинаем?» Когда уже отправил, то пожалел, что не сдержался, так и инициативу легко упустить. Пока он терзался, Лю Цзинли прислала сообщение, в котором было одно слово «ладно». Сожаление тут же сменилось недовольством: интересно, а когда тебя начальник просит сводку принести, ты ему тоже шлешь СМС со словами «ладно» или «хорошо»? Я как-никак чиновник в ранге заместителя главного референта, а ты кто вообще такая, тридцатилетняя тетка, кем себя возомнила?

Цзянь Фанпин, сжимая в руке телефон, у самого выхода из здания департамента остановился и написал сообщение: «Прости, только что позвонили. Срочные дела. Наверное, задержусь допоздна». Набрал, перечитал и удовлетворенно отправил. Сообщение звучало как самокритика – честно, открыто, но при этом безопасно. Разумеется, тут же прилетел ответ: «Ничего страшного. Я свободна. Подожду, когда ты

сможешь». Цзянь Фанпин, глядя на это, хотел трижды хохотнуть в сторону улицы. Ха-ха-ха. Он вернулся в кабинет и прошел несколько уровней онлайн-игры. Как только часы пробили восемь, Цзянь Фанпин позвонил ей со служебного телефона. Трубку взяли после первого же гудка. В ту же секунду он почувствовал, что инициатива снова перешла к нему, и успокоился. На самом деле у тридцатилетней женщины, живущей в этом городе и ничего не имеющей за душой, нет оснований строить из себя невесть что.

Поесть договорились в высококлассном ресторане с европейской кухней по соседству с квартирой, которую арендовала Лю Цзинли. Женщина на том конце провода покапризничала немного, во-первых, потому что Цзянь Фанпин жил вообще в другой стороне, а во-вторых, там якобы просто жуткий интерьер. Цзянь Фанпин понял, что она не бывала там, уверенность в себе выросла вдвое, и он как ни в чем не бывало сказал:

– Ничего, на такси поеду, не беспокойся.

Доехать от ресторана до казенной квартиры на такси стоило двадцать юаней, такие расходы Цзянь Фанпину были по карману, поэтому так уверенно заявил. Что же до расходов на саму еду, то с учетом перспектив отношений можно себе позволить подобное капиталовложение. В провинциальных городках уровень расходов невысок, и Лю Цзинли уже за ужином выразила беспокойство и сожаление по поводу лишних двадцати юаней, отчего он все больше и больше упивал-

ся ощущением успеха. Он уже немного разобрался в красном вине, потому заказал бутылку «Торреса», это вино не слишком дорогое, но вкусное, получилось дешево и сердито. Когда принесли вино и бокалы, то у Лю Цзинли глаза тут же расширились. Цзянь Фанпин отослал официанта и сам ловко открыл бутылку, а затем перелил рубиновую жидкость в декантер³.

Если красное вино долго хранилось, то в нем появляется осадок. Этот процесс еще называют «пробуждением вина», нужно, чтобы максимальная площадь поверхности вина контактировала с воздухом, насыщалась кислородом. Осадка вскоре не останется, а заодно можно ощутить аромат вина.

Лю Цзинли искренне призналась:

– Я малообразованная и ограниченная, впервые вижу такое.

– «Торрес» привозят из Испании. Его еще называют «Бычья кровь», посмотри на цвет, ведь правда похоже?

Лю Цзинли смотрела на ровную гладь красного вина в декантере, и на ее щеках проступал легкий хмельной румянец, словно бы вместе с ароматом ее лица коснулся и цвет. Цзянь Фанпин с сожалением подумал, что освещение могло бы быть еще более приглушенным. Он наклонил бокал, медленно налил вино почти до краев и посмотрел на бокал на фоне белоснежной скатерти. Молодое вино обычно немно-

---

³ Декантер – стеклянный графин, предназначенный для декантации (отделения от осадка) и подачи вина.

го расслаивается; если однородное, значит, выдержанное, а если у вина красный цвет с легким коричневым оттенком, значит, это уникальная бутылка выдержанного прекрасного вина. Пока он неторопливо объяснял, Лю Цзинли не знала, как и реагировать на неожиданную настойчивую атаку, и настроение ее колебалось от хорошего к плохому и обратно, словно подрагивающий огонек свечи. Она была как первоклассница на уроке рисования: он рисовал на доске черту, она старательно копировала на своем листе, осторожно повторяя все за учителем, но не понимала, что за предмет в итоге нарисует.

Женщины в основном стремятся к спокойной и сытой жизни. Чем сильнее это устремление, тем больше его поражающая сила. Ведь он одинокий мужчина, со стабильной работой, да еще и винах разбирается. В этот раз инициатива целиком перешла к нему. Когда он говорил, она почти с благоговением пристально вглядывалась в его лицо, но Цзянь Фанпин специально не глядел на нее, лишь поигрывал бокалом в руках. Когда он молчал, она слегка наклоняла голову и смотрела на красное вино, а его взгляд препарировал ее лицо, словно хирургический скальпель. Они даже бутылку не допили, как Лю Цзинли предложила посидеть еще. Он сразу понял, что она надеется на следующую встречу. Это было очень приятно, так чувствовали себя генералы древности, когда возвращались с победой и передавали пленников в руки императора. Судя по всему, можно и дальше флиртовать,

перспективы вполне реальны. Оплачивая счет, Цзянь Фанпин произнес название своей организации, и официант пулей принес товарный чек. Лю Цзинли сконфуженно сказала:

– Неудобно как-то, ты так потратился, в следующий раз я тебя приглашу.

Цзянь Фанпин улыбнулся и сказал:

– Деньги-то казенные, с чего тебе неловко?

В тени дома Цзянь Фанпин, как и собирался, поцеловал ее. Почти полгода у него не было близких отношений с женщинами. Их дыхание еще отдавало вином, отчего оба захмелели, и его движения стали более грубыми, но грубость эта была относительной, он просто схватил женщину за талию, и сжал чуть сильнее. Лю Цзинли совершенно не сопротивлялась, она понимала, что сейчас нужно бы проявить сдержанность, но боялась упустить такого прекрасного мужчину, как акционер, у которого дилемма – и подзаработать хочется, но и понести убытки страшно. К счастью, в этот момент аскеза Цзянь Фанпина дала о себе знать, пока он не успел понять намерений женщины. Он убрал руки, скользнув ими по груди и остановился. Дождался, пока она войдет в освещенный подъезд, повернулся и пошел прочь, но не успел дойти до выхода из жилого комплекса, как его нагнала эсэмэска: «Пин, мы не слишком торопимся? Я вся в растрепанных чувствах».

В ответ Цзянь Фанпин написал: «Уже поздно. Ложись спать. Завтра еще на работу».

Когда он не знал, что ответить, то большую проблему пре-

вращал в пустяковую, а маленькую и вовсе игнорировал. Ну, чтобы не говорить, что он уваливал от проблем, скажем лучше, что это был инстинкт выживания. Практика показывает, что подобная тактика приносит свои плоды. Разумеется, она тут же настрочила сообщение: «Да, ложусь, ты быстрее давай домой. Пришли мне СМС, как доберешься. Время позднее, осторожнее по дороге».

Он не ответил, бодро дошел до проспекта, но не стал сразу ловить машину, нужно было пройти пешком и переварить радость, которую только что легко получил. Нет, на самом деле не легко. Ужин обошелся в триста юаней, оборотный капитал уменьшился наполовину. Он вынул товарный чек и разорвал в мелкие клочки. Он еще не дорос до того, чтобы ему возмещали расходы на рестораны, но лишние траты лишь добавили красок его строго нормированной жизни. Цзянь Фанпин разжал руку, и обрывки полетели на землю, он наступил на них ногой и растер подошвой ботинка. Когда уже он наконец станет замначальника бюро? Он шел и думал, что когда станет замначальника бюро, то ему и машину выделят, и казенные деньги на представительские расходы, тогда можно и романы крутить, и ребенка растить, и о стареньких родителях заботиться. Он никогда еще так искренне не мечтал о быстром взлете по карьерной лестнице.

Недавно Цзянь Фанпин ездил с Чжуном, который уже дорос до начальника, в Пекин на всекитайское собрание на-

чальников управлений. Пока ждали самолета, он вдруг увидел Лю Цзинли. Прошло несколько лет, она сильно изменилась, располнела, как это обычно случается с женщинами среднего возраста. Через стекло зала для VIP-пассажиров он видел Лю Цзинли в толпе туристов. Какой-то мужчина средних лет прочел анекдот, присланный по СМС, а она, прикрыв рот рукой, тихонько засмеялась, потом игриво ударила собеседника и прижала руку к груди – грудь у нее вроде стала побольше, чем была несколько лет назад. Цзянь Фанпин вспомнил ту жаркую пору, не выдержал и рассмеялся, угостил начальника Чжуну сигареткой и сам закурил. Только успели потухнуть языки пламени, как к Лю Цзинли сердито подошел какой-то мужчина под шестьдесят с огромным животом, встал перед ней и принялся громко отчитывать. Она храбро поднялась с места, чтобы возразить, а парень средних лет смущенно сел. Суть произошедшего ясна: пока ее муж отлучился в туалет, она не стала время терять и принялась флиртовать с мужчиной помоложе. Цзянь Фанпин смотрел, не отрываясь, даже про сигарету забыл. Начальник Чжун взглянул на него:

– Что? Знакомая?

Цзянь Фанпин сдержал смех и честно ответил:

– Да, знакомая, после развода меня с ней познакомили, вот уж не думал, что она так сильно изменится.

Начальник Чжун многозначительно сказал:

– Ты давно уже ходишь на свидания, неужто ни одна не

пришлась по сердцу?

А супруга начальника Чжуна вставила:

– Сяо Цзянь – опора всего вашего департамента, образованный, способный, в таком молодом возрасте уже начальник бюро, энергичный и эмоциональный человек, знающий толк в жизни. Да и материальное положение хорошее. Разумеется, он должен выбирать. Но ты, Сяо Цзянь, не волнуйся, когда вернемся, я тебя с парой девушек познакомлю.

Каждый раз, когда начальник Чжун летел в Пекин на совещание, Цзянь Фанпин устраивал, чтобы и его супруга заодно слетала проведать их дочку Чжун Тинтин. Начальник Чжун пару раз высказался по этому поводу, но потом перестал. Со временем это стало уже правилом. Чжун Тинтин работала в Пекине, вышла замуж за аспиранта Академии естественных наук, поговаривали, что в будущем, возможно, попадет в исследовательский центр при Госсовете. Приезжая в Пекин, Цзянь Фанпин всегда обеспечивал ей талоны на питание и на покупку товаров и постепенно даже с мужем ее подружился. Супруга начальника Чжуна только что дала ему лестную характеристику, а он из вежливости стал нахваливать ее зятя, отчего она расцвела и даже заявила: то, что Цзянь Фанпин все еще не женат, – ее упущение.

– Ты уже столько лет разведен, надо бывать на людях, напиться хоть раз, ты что, не напивался за всю жизнь ни разу?

Начальник Чжун засмеялся:

– Да что ты понимаешь в вине? От хорошего вина нельзя

опьянеть!

Цзянь Фанпин воспользовался случаем и сообщил:

– Господин начальник, я в тот раз ездил за границу и привез две бутылки «Мутон-Ротшильд» девяносто седьмого года, дома неделю простояли, я так их и не осмелился открыть, вернемся — вам подарю.

Начальник Чжун воодушевился:

– «Мутон-Ротшильд»? Девяносто седьмого года? Хорошее вино, явно выраженная дубовая нотка, хорошо идет под рыбу и грибы. Две бутылки? Мы тогда вернемся и одну попробуем. Жаль, что девяносто седьмого, если уж говорить о качестве, то виноград девяносто шестого года урожая получше, температура была чуть другая и дождей в самый раз.

Супруга его покачала головой:

– Вы действительно странные! За тридевять земель беспокоитесь, что там у французов с урожаем винограда.

Начальник Чжун и Цзянь Фанпин дружно рассмеялись. Он посмотрел через стекло и увидел, что Лю Цзинли подралась с мужем, причем дрались они по-настоящему, руками и ногами. Тот парень средних лет выглядел жалким и беспомощным. Гид пытался их разнять, а несколько охранников поодаль с интересом наблюдали за происходящим, готовые в нужный момент броситься на помощь. Но все происходило за стеклом, вроде бы и близко, но стеклянная стена, безусловно, разделяла их на два разных мира.

После того как Цзянь Фанпин израсходовал на Лю Цзинли три бутылки «Торреса», их отношения наконец перешли на новый уровень. Но Цзянь Фанпин не хотел заниматься этим у нее дома, если уж в незнакомом месте, то пусть совсем в незнакомом. В этот момент департамент проводил конференцию провинциальных чиновников, а Цзянь Фанпин был заместителем начальника оргкомитета и отвечал за встречу и проводы гостей. Конференция завершилась вечером, и гости разъехались, а номер нужно было освободить только на следующий день утром. Цзянь Фанпин под предлогом, что хочет еще поработать, велел подчиненным идти по домам. У коллег у кого жены, у кого возлюбленные, есть чем заняться, кроме работы, и все с благодарностью разбежались. Он остался один в номере, снятом для оргкомитета, лег на кровать, подумал, как сформулировать мысль, потом позвонил Лю Цзинли и пригласил ее поужинать в отель «Интерконтиненталь». Она сначала отнекивалась ради приличия, но потом с готовностью прибежала в назначенное место и, судя по наряду, планировала и ужин, и то, что будет после. Поскольку во время конференции можно было все расходы записать на департамент, а в пятизвездочном отеле не было недостатка в хороших винах, то Цзянь Фанпин заказал бутылочку «Шато Ляроз-Тринтадон» с терпким ягодным ароматом и нотками ванили. Когда допили первую бутылку, он предложил подняться в номер и продолжить беседу там. Вся ее сдержанность растворилась в вине, поэтому она не ста-

ла отказываться. К этому времени его уверенность в себе взлетела до небес, и если бы женщина выразила хоть каплю неодобрения, то для Цзянь Фанпина это стало бы крушением по всем фронтам.

Пока Лю Цзинли плескалась в ванной, он голый лежал в кровати с абсолютно пустой головой. Уже полгода такого не было, он даже сам удивился. Уже дошло до дела, а у тебя никаких реакций. Он злился, что тело не реагирует, и курил, роняя пепел прямо на одеяло. Журчание воды прекратилось, Лю Цзинли семенящими шажками подошла к кровати, полотенце, в которое она завернулась, сползло, оголив часть груди, и этого оказалось достаточно, чтобы воспламенить Цзянь Фанпина.

Похоже, у нее тоже давно не было мужчины. Они долго занимались любовью. Лицо Цзянь Фанпина стало безмятежным, а Лю Цзинли, прижимаясь всем телом, спросила, почему он развелся. Впервые с начала их общения они говорили на серьезные темы. Цзянь Фанпин увильнул от ответа:

– Лучше ты расскажи, почему ты до сих пор не замужем?

Лю Цзинли с серьезным видом возразила:

– Ты сначала скажи, я же первая спросила.

Он понимал, что рано или поздно придется ответить, и сказал, что часто уезжал в командировки, жена не выдержала скуки. Лю Цзинли, не зная всей сути, сказала:

– Ну, это никуда не годится, я бы ни за что так не поступила.

Эта фраза, которую она произнесла нагишом, потрясла его. Если бы их отношения так быстро не опошлись, а после Лю Цзинли не добила его этой фразой, их роман продолжился бы. У Цзянь Фанпина раньше был выбор, он по недосмотру остановился на Ду Сюаньвэй, а сейчас ему снова представилась возможность выбора, более того, он осознал всю прелесть этого выбора и, разумеется, ценил вдвойне. Это как если человек первый раз попадает в буфет самообслуживания и вдруг обнаруживает, что там столько всякой вкуснятины. Вряд ли кто-то положит себе на тарелку пару кусочков булки, утолит голод и уйдет. Бедная булка по ошибке решила, что он молчит, поскольку растрогался, и продолжила. Раньше у булки бывали мужчины, и не один. Если не считать первой любви, то, как начала работать, встречалась еще с двумя, с первым год, а со вторым три года, но в итоге рассталась. Цзянь Фанпин про себя усмехнулся и рассмеялся. Год, три года – разумеется, все, что должно было произойти, произошло, неудивительно, что она только что не смогла скрыть своей опытности. Внезапно она ему надоела. Тридцатилетняя баба, работа не ахти, опыт за плечами немалый, внешность не выдающаяся, можно понять, почему ей так хочется выскочить за него замуж. Но подобная срочность не к месту, не по правилам флирта, а если в игре нарушены правила, то сложно дальше играть. Цзянь Фанпин слушал, как она все повторяет одно и то же, и чувство усталости нарастало, разливаясь по всему телу. Он погладил ее грудь и

крепко обнял женщину. Второй раз получилось даже лучше. Они все никак не могли остановиться, угомониться и лечь спать.

Подпитавшись любовью, Лю Цзинли буквально вся светилась от счастья и изливала свои чувства без конца. Градом сыпались звонки и эсэмэски, она его буквально достала, от нее было не укрыться. Цзянь Фанпин даже удивился. Через месяц Лю Цзинли намекнула, что нужно бы познакомиться с его родителями, и он осознал, что тянуть дальше нельзя. В тот день они пили «Шато Сен-Пьер», вишневого цвета вино с нотками табака. После затянувшегося молчания Лю Цзинли наконец сочувственно поинтересовалась, нормально ли он себя чувствует. В этот миг сердце Цзянь Фанпина дрогнуло, он понимал, что, если откроет сейчас рот, откажется он или согласится, все равно роману конец. Пришлось и дальше молчать. Лю Цзинли ничего не оставалось, кроме как допытываться:

– Кто-то из домашних против? Родители или ребенок?

Цзянь Фанпин тяжело вздохнул. Она, заикаясь, начала уверять в искренности своих чувств, он молча выслушал, а в конце сказал:

– Это все не просто. Мне нужно время.

У нее тут же полились слезы. В тот вечер его телефон не замолкал, словно телеграфный аппарат, это Лю Цзинли слала сообщения. Сообщения были самые разнообразные: вопросы, оправдания, а в конце жалобы и слезы. На следующий

день ему позвонила жена адвоката, с тревогой спросила, что у него там случилось такое, что девочка звонит ей посреди ночи. Цзянь Фанпин коротко ответил:

– Я на собрании, попозже перезвоню.

Но перезванивать так и не стал чтобы у неизбежной концовки было много случайных вариантов. На третий день после разрыва с Лю Цзинли не выдержал сам однокурсник-адвокат и пригласил его поужинать. Еще закуски не подали, а они с женой уже пристали с расспросами. При этом Цзянь Фанпин чувствовал себя рядовым мелким чиновником, только что пережившим измену жены. Все мужчины испытывали нечто подобное. Сложно в такой ситуации не раскиснуть. Как спокойно смотреть на сидящего напротив однокурсника, у которого прекрасная квартира, машина и рыба на ужин? Пока ели, отношение однокурсника к произошедшему менялось, как блюда на столе: сначала холодные закуски, потом горячее, мягкое и твердое перемешивались, как кнут и пряник, а напоследок ледяное, словно застывший жир на краях тарелок. Однокурсник сказал:

– Фанпин, тебе уже под сорок, ребенок уже взрослый, да и в жизни такое приключилось! Какую тебе женщину надо? Нечего выбирать! Или считаешь себя лакомым кусочком? Ну да, ты государственный служащий и что? Кроме фиксированной зарплаты, чиновники твоего ранга ничего не получают, даже коррупция до вас не докатится.

Его жена повела себя еще грубее. Когда прощалась с ним,

еле выдавила улыбку, но стоило ему отвернуться, как она пробормотала, мол, чего он упрямится, мелкая сошка.

Через неделю количество эсэмэсок от Лю Цзинли уменьшилось и в итоге сошло на нет. Он подумал, что, судя по всему, она не так уж сильно хотела выйти за него, ну, или не ныряла в любовь с головой, поскольку рисковать и ставить все на кон явно не собиралась. Так бывает, когда два войска вступают в войну, после разведки более слабое войско ретируется, чтобы сохранить свои силы. В их отношениях Лю Цзинли определенно была слабой стороной, а требования предъявляла больше, но это все только потому, что она женщина. Другое дело Цзянь Фанпин. Презрительное отношение адвоката не спугнуло его удачу. Не прошло и года после расставания с Лю Цзинли, как замначальника Чжан хлопотал и отправил его в партийную школу на курсы по переподготовке кадров. Насколько он успел заметить, в группе были чиновники всех возрастов, от тридцати и до пятидесяти, самый низкий ранг – референты, самый высокий – замначальника бюро, он же и староста. Цзянь Фанпин оказался самым молодым среди заместителей главных референтов и единственным одиноким. Еще не закончились занятия, как в группе узнали две хорошие новости: во-первых, старосту повысили до начальника, кроме того, Цзянь Фанпина сделали замначальника бюро. Поскольку Цзянь Фанпин был в фаворе у замначальника департамента Чжуна, который его продвигал, то у него все еще было впереди.

По телефону называть «начальником» можно и замначальника главного референта, и замначальника бюро, даже всяких мелких сошек; например великий танский поэт Ду Фу гордо именовался «министром», хотя на самом деле был чиновником низшего ранга и до настоящего министра ему было очень далеко. Цзянь Фанпина звали «начальником» еще тогда, когда он был рангом пониже, но «начальник» «начальнику» рознь. Это как баоцзы⁴ — снаружи разницы и не видно, все дело в начинке, и баоцзы с крабовой икрой куда дороже тех, что просто со свиной. Итак, Цзянь Фанпин поднялся до замначальника бюро, отбросил слово «референт» в должности, словно бы начинка из полностью овощной стала мясной, более того, было куда расти.

Получить повышение – все равно что подняться на гору и оттуда посмотреть вниз: обзор стремительно расширяется. Так и круг девушек, с которыми его пытались познакомиться, тоже значительно увеличился. Цзянь Фанпин сам инициативы не проявляет, инициатива означает надежду, от надежды недалеко и до разочарования, а ему нравились неожиданные знакомства, когда ему отводилась пассивная роль. Однажды староста их группы в партийной школе по переподготовке

---

⁴ Баоцзы – популярное китайское блюдо, небольшой пирожок, обычно с мясной начинкой, который готовят на пару.

кадров организовал небольшую вечеринку для узкого круга. Раз круг узкий, значит, за бортом остались те одноклассники, которые особо не стремились сделать карьеру, а приглашены были лишь внешне скромные, но в душе крайне амбициозные люди. Староста представил Цзянь Фанпина супругам гостей, сказал, что это самый перспективный из соучеников, еще занятия в партийной школе не закончились, а до них уже дошла радостная новость, да еще и молодой холостяк – настоящее сокровище. У жен глазки тут же загорелись. Он поспешно вскочил, стал отнекиваться, принижая свои достоинства, и скромность действительно зашкаливала. Дамы с интересом на него посматривали, и когда он подходил с ними выпить, то буквально слышал, как потрескивает в их душах пламя розовых надежд. Разумеется, они стали, не стовариваясь, просить мужей пригласить его в гости с единственной целью — организовать для него знакомство.

Каждый раз, оказываясь в подобной обстановке, Цзянь Фанпин начинал церемониться и говорить, мол, госпожа, вы бы меня не нахваливали, я уже не молод, курю и выпиваю, гол как сокол, а еще и ребенка тяну. Или мог сказать, мол, это вы только что обо мне так говорили, а я-то думал, о Лю Дэхуа⁵! И так далее, и так далее, и так далее. Он привык в чужих речах видеть скрытый смысл и научился сам говорить с пафосом. Вот, например, можно ли тридцатишести-

---

⁵ Лю Дэхуа – псевдоним Энди Лау, гонконгского певца, киноактера и продюсера, одного из самых коммерчески успешных киноактеров Гонконга с 1990-х гг.

летнего мужчину считать молодым? Да мужчина и в сорок еще ого-го! Ну и что, что курит и пьет, но может себе позволить дорогие сигареты и иностранные вина, да и разбирается, судя по всему, что говорит о хорошем вкусе. А квартира, ну и что, что сейчас нет, это не значит, что и потом не будет, хоть пока жилплощадь и маленькая, значит, потом будет большая. Департамент как раз собирается строить новый жилой комплекс, причем квартиру будут давать равноценную, и его шестьдесят шесть квадратных метров, как ни крути, на четыреста тыщ потянут? Не так давно в Пекине начальник Чжун с женой пригласил дочку с зятем поужинать, разумеется, платил за всех Цзян Фанпин. За ужином открыли бутылочку «Тинто Пескера» 2004 года, цена не то чтоб облачная, меньше восьми тысяч юаней. Цвет вина был рубиново-красный, а кроме ноток дуба, в нем чувствовался нежный аромат черной смородины, малины и фиалки. Содержание танина умеренное, за кислинкой явно скрывалось сладкое послевкусие. После того как выпили, заговорили о том, как Цзянь Фанпин себе подбирал пару. Зять Чжунов занимался макроэкономическим анализом, хорошо умел «упорядочить хаос микроэкономических явлений и вывести принципы макроэкономики». Он послушал немного, а потом заявил, что достоинства немолодого разведенного мужчины можно описать четырьмя словами – «старый коварный матерый лис». Старый – это сравнительная характеристика, значит, пройден определенный возрастной рубеж, но «старый»

значит «зрелый», «серьезный», «степенный». «Коварный» означает, что он разбирается в людях и знает толк в любви, понимает, что нужно женщине в любом возрасте. Что касается «матерого», то тут речь определенно об экономической базе и статусе, мужчины постарше боролись за место под солнцем десять с лишним лет, а значит, и накопить что-то успели. Вот, к примеру, Цзянь Фанпин заведует канцелярией на провинциальном уровне, ни в чем не нуждается, отчитывается только перед начальством, если кто-то сверху начнет своих протаскивать или кто-то снизу начнет заискивать, то все равно с ним никому не сравниться, учитывая его послужной список. Ну, а лис, он и есть лис, хитрый лис. Люди за жизнь меняют множество обличий, поскольку ситуации бывают всякие, простодушные тоже становятся хитрыми, хитрость от природы пропитывает нас до мозга костей, словно текущая вода, это инстинкт, как у младенцев, которые сразу после рождения ищут грудь. Какая женщина сможет одолеть хитрого? Начальник Чжан в ответ лишь рассмеялся, а его супруга снова взглянула на Цзянь Фанпина, но уже другими глазами. Он немного смутился, поднял бокал и восхитился острым взором зятя Чжунов, достойного продолжателя семейных традиций.

Нельзя сказать, чтобы Цзянь Фанпин, когда знакомился с девушками, всегда привередничал. Как-то раз в роли свахи выступила госпожа Чжун, познакомив его с дочкой однокурсника мужа – известного профессора в университете про-

винциальной столицы. Когда это происходило, он уже забыл, но, наверное, в каком-то спокойном местечке, поскольку они пили красное вино, вроде бы итальянское «Пьямонт Маркарини». «Маркарини» производят из разных сортов розового винограда, не выдерживают в дубовых бочках, оно кажется на вкус фруктовым, со сложным букетом. Госпожа Чжун нахваливала девушку на все лады, рассказала, как она еще в университете всяким шишкам из правительства переводила, а после окончания сколько ведомств зазывали ее к себе, умоляли остаться в столице. Словно бы она не дочь известного профессора, а известная дочь какого-то профессора. У девушки на лице все время была легкая улыбка, смягчавшая безудержные похвалы. Когда госпожа Чжун сделала перерыв, чтобы промочить горло чаем, девушка спросила его по-английски, может ли он общаться на этом языке. Цзянь Фанпин не понял, когда это к требованиям к потенциальному кавалеру добавился еще и этот пункт, но раздухарился и по-английски ответил:

–You can't teach an old dog new tricks. Придется тебе говорить, а я только слушать смогу.

Английская пословица дословно переводилась «Старого кобеля новым трюкам не обучишь», но если перефразировать, то – «из гнилого дерева ничего хорошего не вырежешь»⁶. Обе фразы имели довольно простой подтекст. Вроде и английским похвастался, но и скромным себя показал. Та-

---

⁶ Второе значение словосочетания – «никуда не годный человек».

кой же переменчивый, как вкус вина «Маркарини». Госпожа Чжун, услышав, что молодые люди уже на иностранном языке заговорили, убедилась, что они идеально друг другу подходят, лицо ее расплылось в гордой улыбке, она даже снизошла до того, что сама подливала им водички и угощала фруктами. Внезапно девушка поблагодарила госпожу Чжун, а ему сказала по-английски:

– Бесит меня эта старуха, такие странные вещи про меня говорила, ты уж не принимай за чистую монету.

У Цзянь Фанпина было похожее чувство. Он не смог сдержать любопытства и ответил ей по-английски:

– Вообще-то она супруга моего непосредственного начальника, но я все же думаю, что ты права.

Легкая усмешка девушки превратилась в улыбку. Они перешли на английский. Госпожа Чжун, услышав, что они как бы невзначай перешли на иностранный язык, поняла, что стесняет их своим присутствием и под благовидным предлогом удалилась. Хотя теперь с ними не было третьего лишнего, девушка все равно говорила по-английски, что его задело. Даже если это и проверка, то не надо так уж серьезно подходить к делу! Она же мужа выбирает, а не переводчика; если хочешь найти кого-то с хорошим английским, то выбери какого-нибудь американского придурка. Болтали они, болтали, и тут у девушки вдруг покраснели веки и из глаз брызнули слезы, заливая ямочки на щеках. Оказывается, ее вынудили прийти на эти смотрины. В университете у нее был любимый

молодой человек. Они были уроженцами одной провинции, но парень приехал из деревни, что усложняло дело. Знаменитый профессор не мог пережить, что дочка выйдет замуж за деревенщину, метал грома и молнии, запретил ей встречаться с этим парнем, более того, начал строить козни, постоянно организовывая для дочери смотрины. Она очень любила своего молодого человека и в Пекине не осталась потому, что он стал госслужащим и вернулся в провинциальный центр. В конце девушка стала умолять отпустить ее, помочь ей и самому сказать госпоже Чжун, что она ему не подходит, а что касается причины, то можно выдумать любую. Через два дня госпожа Чжун с готовым планом пригласила Цзянь Фанпина к себе домой и начала расспрашивать, как развиваются отношения. Он помешкал немного, а потом сказал:

– Я тут подумал, все-таки разница в возрасте слишком большая, не хочу девушке голову морочить.

Госпожа Чжун остолбенела:

– Всего-то десять с небольшим лет? Это разве ж много? Иногда старики за восемьдесят женятся на двадцатилетних!

Цзянь Фанпин промолчал. Внезапно госпожу Чжун осенило, и она тихонько спросила:

– Никак до тебя слухи дошли? Ну, она ж молоденькая совсем, чувства незрелые, если и сделала крюк, так это ж естественно! Ты ведь и сам разведен. Вы вполне нормальная пара.

Цзянь Фанпин в ответ хмыкнул, но ничего не сказал. Гос-

пожа Чжун недовольно проворчала:

– Тебе и впрямь так важно, что у нее там было в прошлом? Непременно нужно найти такую, которая не крутила романов?

Цзянь Фанпин пригубил «Шато Анжелюс» и с горькой усмешкой сказал, что именно этого и боится, что за всю жизнь не сыщет.

Начальник Чжун слушал его, даже вина не пил, а потом сказал, что вино такое же кислое, как его слова, а это, между прочим, первый гран-крю⁷ класса В. Цзянь растерялся, принялся торопливо объяснять, что ему кажется, что он девушке не подойдет, она и правда совсем молоденькая, а если за него выйдет замуж, то с порога станет мамой первоклассника. Он вышел из дома Чжунов рассерженным – был зол на госпожу Чжун и на самого начальника. Ну, развелся он и что? Что ж теперь, разведенному мужчине нельзя искать себе девственницу, обязательно нужно встречаться с женщинами с богатым любовным прошлым? Типа раз голоден, так нужно жрать все без разбору и хвататься за любую возможность? Ну да, вы начальник, это дочь вашего однокурсника и что с того? Если я не согласен, то вы мне приказывать можете? Я и так пашу на вас как конь, но то, что вы руководите всем на свете, не дает вам права руководить и моим членом! Да пошли вы!

---

⁷ Гран-крю – французский термин для обозначения виноградников, производящих эксклюзивные сорта вин или славящихся древней историей.

Когда он добрался до дома, то гнев рассеялся, уступив место запоздалому страху. Да, он отстоял суверенитет полового члена, но при этом обидел начальника Чжуна, за что непременно придется расплачиваться. Весь вечер он ломал голову, как поступить, а на следующий день выбрал момент, когда начальник освободился, и пришел, отбросив смущение, извиняться за то, что не получилось с этой девушкой. Если бы не срелось абы с кем, то ничего, но ведь тут речь о дочери однокурсника начальника, здесь задет престиж. Начальник выслушал его, покачал головой и сказал:

– Хоть мы с ее отцом и учились вместе, но и тебе нелегко. Нет так нет. Я вчера так сказал не потому, что хотел пожурить тебя за излишнюю придирчивость, я имел в виду, что ты к себе слишком уничижительно относишься. Ты замначальника канцелярии в правительстве провинции, скоро самостоятельно уже начнешь работать и так низко себя ставишь? Неужто начальники в нашем департаменте ничего не стоят? Ты что ж, считаешь, что не сможешь найти себе девственницу? Я не верю!

Сердце Цзянь Фанпина радостно заколотилось, он остолбенел. Начальник Чжун засмеялся:

– Вообще-то я не хотел тебе заранее говорить. Через пару дней мы на партийном собрании рассмотрим список кандидатов на повышение. Ваш начальник Ду пойдет на повышение, возглавит подчиненную организацию, станет там замначальника департамента. А ты хоть и молод, но проявил себя

в деле неплохо, я посоветовался с другими членами партии, и мы единогласно тебя рекомендовали.

Цзянь Фанпин почувствовал, что вся кровь забурлила и разом прилила к голове, потом отхлынула куда-то в область паха, а вместе с ней разошлась по телу и жаркая волна, и он испытал очень сильную эрекцию. Начальник Чжун спросил:

– Ну, что думаешь?

Цзянь Фанпин, слегка задыхаясь, поблагодарил начальника, тот довольно покивал головой:

– Как говорится, равнодушно принимаешь и хвалу, и хулу. Я в тебе не ошибся. На прошлом собрании один товарищ высказался, мол, странно, что ты после развода за столько лет и не женился, только меняешь девушек как печатки. Имени называть не стану. Товарищ старый, мышление у него консервативное. Я тогда рассердился и сказал, что мы ведь выбираем кадрового работника, а не образцового мужа. Пусть некоторые разводятся, а потом сразу же по второму разу женятся, тут все ясно, и проблема вовсе не в Сяо Цзяне. А что до романов, то это его личное дело, тем более он же не с любовницей шашни крутит, нарушая нормы морали, разве же это повод не поддержать его кандидатуру? Все тогда промолчали, и все же, пока приказ о назначении не спущен, ты там уж поаккуратней...

Вечером Цзянь Фанпин в знак благодарности пригласил начальника Чжуна в ресторан, а когда вернулся домой, отец и сын уже давно легли спать, а мать смотрела южнокорей-

ский сериал. Сколько раз он ей говорил, что надо просто купить диск с записью всех серий, а не сидеть по ночам перед телевизором! Ладно бы просто смотрела, а она ведь звук выключает и щурит старческие глаза, чтоб углядеть крошечные субтитры, где каждый иероглиф размером с земляной орешек. Увидев сына, она немного смутилась и тихонько спросила:

–А почему ты так поздно сегодня? Вэйвэй с отцом уже спать легли. Ты поосторожнее со здоровьем.

Цзянь Фанпин подумал: мама все-таки лучше, чем жена: если поздно возвращаешься, то не устраивает разнос, а беспокоится, не то что Ду Сюаньвэй, которая из-за этого завела любовника. Сегодня у него было особенно хорошее настроение, он даже не стал ворчать, что мама засиделась так поздно, а пошел разбудил отца. Они в гостиной поставили на стол кое-какие закуски, открыли бутылку водку. Отец не любил красное вино, предпочитал водку, в которой градусов побольше. Он до самой пенсии досидел с утешительным призом в виде должности низшего разряда, не думал, что сын еще до сорока так поднимется по карьерной лестнице, разумеется, это очень радостное событие. Не успели и глазом моргнуть, как в первой бутылке показалось дно, открыли вторую. Цзянь Фанпин пил-пил и вдруг расплакался, не сдерживаясь, искренне, не стыдясь и не скрываясь. Он давно уже не плакал, не было ни поводов, ни сил. Если плачешь при родителях, то ничего не нужно объяснять, ни о чем не нуж-

но беспокоиться, ведь они все знают, все понимают. Сейчас, в наше время, где еще встретишь такое взаимопонимание? Начальник рассердится, что ты не хранишь сокровенное в душе, коллеги посмеются, что ты неестественно себя ведешь, подчиненные решат, что у тебя крыша съехала. Что же касается женщин, то здесь все еще сложнее. Раньше он, бывало, плакал от полноты чувств, а жена как на это смотрела?

Мать подошла и начала успокаивать его, но пока успокаивала, у самой слезы полились. Отец не плакал и матери велел от сына отстать, мол, пускай поплачет, а то заостенел уже на работе, только и делает, что смеется по поводу и без, поплакать тоже иногда неплохо. Цзянь Фанпин утирал пьяные слезы и думал: «Твою ж мать, а мне, думаете, легко? Жена сбежала с другим мужиком, все вокруг злорадствуют, еще и говорят, что это я не прав, а если у мужика такое происходит, то это смерти подобно, а я не только не умер, но живу лучше прежнего. Ты и начальник бюро, и член партийной ячейки, но когда искал себе девушку, чтобы потрахаться, то сначала огляделся по сторонам, а потом уже выбрал. А я что? Бросаюсь на каждую юбку! Ты хотел делать карьеру, но чтоб молодым кумушкам не о чем было судачить, а я хочу и карьеру сделать, но и заодно сменить дюжину подружек, что вполне естественно! В итоге ты только мечтаешь получить повышение, сделать карьеру и избавиться от своей старухи, а мне не нужно мечтать, у меня все это есть...»

Мать не выдержала, принесла воды с медом, чтобы снять

похмелье. Цзянь Фанпин наплакался всласть, а потом наконец поднял голову и сказал:

– Мам, как только придет приказ о повышении, я тебе куплю большой телевизор, нечего глаза портить, разбирая мелкие иероглифы!

Вскоре после того как спустили приказ, одноклассники с курсов по переподготовке кадров в складчину организовали для него банкет по случаю повышения. Раньше Цзянь Фанпин держался особняком, остальные пили водку, а он заказывал себе красное вино, но сегодня нарушил правило и решил тоже пить водку, нельзя, чтобы казалось, что чем выше у тебя должность, тем ты дальше от коллег, наоборот, надо становиться все более и более компанейским. Раньше он держался особняком, чтобы продемонстрировать свои принципы, а сегодня смешается с толпой, чтобы показать, что он такой же, как все, одно другому не помеха. За ужином, стоило заикнуться, что нынче он как все, на столе появился алкоголь только одного вида – красное вино. Староста сказал, что сегодня все равняются на начальника Цзяня, так что пьют красное вино. Все принялись поддакивать, мол, что начальник Цзянь будет пить, то и мы. Уважение, выказанное старостой, его растрогало. Сам староста месяц назад получил повышение и стал управленцем на уровне департамента. А если учесть, что его тесть – важная шишка в каком-то провинциальном комитете, то этой должностью дело не кончится,

он дорастет и до инспектора пятого разряда, до замглавы, а потом и главы управления, короче говоря, перспективы его ждут блестящие. Цзянь Фанпин понимал, что не каждый из одноклассников удостоивается подобной чести, а то, что с трудом достается, и ценишь больше.

Когда допили вино, стали петь. Староста предложил подарить начальнику Цзяню песню «С днем рождения тебя», поздравить с началом новой жизни. Все дружно согласились. Староста сказал:

– Я сегодня специально пригласил нашу красавицу из отдела рыночного планирования Ячжу, чтобы она нам спела. Поприветствуем!

Под звук аплодисментов с места поднялась девушка и взяла микрофон. Цзянь Фанпин весь вечер не обращал на нее внимания, а теперь стал судорожно припоминать. Вроде староста их знакомил, но народу слишком много, у него не отложилось в памяти, наверное, ничего особенного девушка не представляет. После слов старосты все загалдели. Когда все пели, староста загадочно сказал:

– Берегись, Сяо Ван. Я ее тебе рекомендую в жены, отдел кадров ее уже аттестовал, и документы официально переданы в организационный отдел провинциального парткома. Песня, конечно, так себе, но когда она споет что-нибудь из репертуара Су Цзуин⁸, вот тогда ты и прозреешь, хо-хо!

По караоке поползло возмущенное бормотание, но он

---

⁸ Су Цзуин – известная китайская певица.

притворился, что не слышал, церемонно улыбнулся, и они чокнулись. Через какое-то время дошла очередь и до Ван Ячжу, она спела «Песню о чае», а когда закончила, со всех сторон закричали «браво!». Цзянь Фанпин хлопал вместе со всеми. Ван Ячжу села под гром аплодисментов, на ее лице застыла еле заметная улыбка, от которой веяло холодом, словно бы в чашку кипятка опустили лед. У Цзянь Фанпина голова работала ясно, он только что оценил девушку и пришел к выводу, что нет в ней ничего особенного, да и поет она не так хорошо, как ожидалось. Когда ты новичок, тебе любое вино кажется хорошим, ароматным и выдержанным, но когда достигаешь определенного уровня, начинаешь разбираться в оттенках. Или, например, работаешь начальником отдела, свободно пользуешься машиной, списываешь расходы и летаешь в командировки на самолетах, и кажется, что это ни с чем не сравнимая роскошь, а сейчас посмотреть, так вроде и ничего особого. Староста опять подвалил:

– Ну как? Понравилось? Ты ее проводи до дома потом, а уж развитие событий зависит только от твоих умений.

Цзянь Фанпин, разумеется, уклончиво пообещал. Отказываться как-то неудобно, а то староста подумает, что он как получил повышение, так сразу зазнался. Почему бы и не подкатить к ней? Будем считать, что это очередное боевое учение. Цзянь Фанпин сказал:

– Все бы ничего, вот только я выпил, боюсь, как бы меня полиция не остановила.

Стоявший рядом одноклассник из департамента общественной безопасности нахмурился, выпучил глаза и принялся хвалиться:

– Что ж я, по-твоему, даром сейчас кусок хлеба ем? В таком-то районе я все улажу, кроме убийства, хоть ты пьяным за руль сядешь, хоть проституцией займешься, хоть девочку снимешь.

Все женщины расхохотались и не могли остановиться. Но Ячжу не смеялась, она устроилась в уголке дивана с бокалом красного вина. Причем пила по всем правилам: сначала внимательно смотрела на цвет, потом вдыхала аромат у кромки бокала, затем делала маленький глоток, гоняла во рту, определенно чувствовала, как вино растворяется на языке, и при этом «задействованы все вкусовые рецепторы». Цзянь Фанпин проникся к ней симпатией и поднял бокал издали, она в ответ вежливо улыбнулась, но улыбка была все так же холодна как лед.

В департаменте было много хороших машин, Цзянь Фанпин не хотел выпендриваться, поэтому приехал сегодня на простеньком «пассате». Ван Ячжу села на пассажирское сиденье и назвала свой жилой микрорайон. Он знал, что это элитный район, поэтому стал следить за словами. За столько лет встреч с девушками больше всего он боялся дочерей чиновников, особенно рожденных после восьмидесятых годов, вроде Чжун Тинтин. Но вовсе не из-за предвзятого отношения к этому поколению и не из-за того, что эти девоч-

ки были рождены уже в рамках программы «Одна семья – один ребенок» и избалованы донельзя, а потому, что их отцы имели реальную власть и могли нанести удар по его «безаварийному производству», как говорится, «бросил бы в крысу камень, но страшно перебить посуду», то есть лучше воздержаться, учитывая возможные последствия. Ему больше нравилось встречаться с дочками директоров фирм, с преподавательницами, телеведущими и так далее — чем дальше от чиновничьей братии, тем безопаснее. Поскольку он стал осмотрительнее, то и говорил меньше, хорошо хоть он поставил диск Ван Фэй⁹, молчание не было таким гнетущим. Ван Фэй так очаровательна, она всем нравится, каждый в ее творчестве что-то находит, кто бы ни ехал с ним в машине, никто не остается равнодушным. «Пассат» свернул на Дунфэнлу, оставалось проехать всего несколько перекрестков – и они на месте. Чтобы не осрамиться, он иногда тихонько подпевал, чтобы показать, что ему нравится. А когда ставишь любимую песню девушке на первой встрече, то она как минимум почувствует, что тебе не наплевать, и даже если вы не станете любовниками, то и врагами не расстанетесь. Это подтверждает его многолетний опыт свиданий. Когда зазвучала песня «Пассажирка», Ван Ячжу протянула руку и сделала звук погромче, затем откинулась на подголовник и закрыла глаза – это были ее первые движения за все время поездки. Цзянь Фанпину показалось, что дальше молчать неловко, поэтому

---

⁹ Ван Фэй – китайская певица и актриса.

он спросил:

– Тебе тоже нравится Ван Фэй?

Ван Ячжу буркнула что-то, с намеком, чтобы он заткнулся, и тут же голос Ван Фэй, похожий на журчание воды, запел:

Мы почти уже на месте,
Но еще пока что вместе,
Слушаем с тобой ту песню,
Что ты слушаешь один...

Цзянь Фанпин не выдержался и рассмеялся. Ван Ячжу открыла глаза и спросила, что тут смешного. Он остановился на светофоре и с улыбкой сказал:

– Просто очень в точку, прямо про нас с тобой...

Она ответила:

– Не думаю, что вы искренне так считаете. Вы за весь вечер на меня и внимания не обратили, если бы староста не попросил меня проводить, не думаю, что вы сами бы вызвались.

Он удивился и возразил:

– Не думай так. Меня не легко уговорить на что-то. Если я совершил какую-то бестактность, прошу меня извинить.

Она рассмеялась:

– Разве такие мужчины могут быть бестактными?

Цзянь Фанпин еще сильнее удивился:

– Какие «такие»?

– Которые отодвигают стул, чтобы гостя села, которые подзывают официанта подлить воды, если у гостя остыл чай, которые подают гостю салфетку, после того как она попила кофе, а в машине молчат двенадцать минут. Понятно, что этим вы хотите сказать одно: «Прости, но ты не мой типаж». Когда мужчина с превосходными манерами хочет отвергнуть женщину, то самый эффективный способ – это молчание. Я права?

Цзянь Фанпин почувствовал одновременно гордость и неловкость. Ван Ячжу с довольным видом смотрела вперед, и они какое-то время опять молчали. Наконец Цзянь Фанпин не выдержал и, притормозив на светофоре, повернулся к ней и честно признался:

– Просто я сегодня многовато выпил, а я как выпью, так несу всякую чушь, я боялся тебя задеть ненароком, поэтому сдерживался. Прошу, не обижайся!

Ван Ячжу сказала:

– Да ладно вам, начальник Цзянь, вы сама сдержанность!

Цзянь Фанпин опешил:

– Это я-то сдержанный?

Ван Ячжу рассмеялась:

– Сегодня вы виновник торжества. Кто же из новоиспеченных чиновников не проявляет сдержанности? Но ваши одноклассники весьма любопытные товарищи, если взглянуть на их полные энтузиазма лица, то они вроде как радуются вашему повышению больше, чем своему: и песню «С

днем рождения» спели, и счет друг у друга вырывали, а не было бы повышения, да кому вы были бы нужны?

Цзянь Фанпин слегка нахмурился, хотел что-то возразить, но не нашел, чем ее задеть. Девушка с довольным видом сказала:

– Начальник Цзянь, вон мой дом, ваша миссия выполнена. В общем-то я была рада с вами познакомиться. До связи!

Цзянь Фанпин не понял:

– Так у меня ж нет твоего телефона!

Ван Ячжу рассмеялась:

– Ну же, начальник Цзянь, в вашем возрасте и с вашим положением очень просто узнать телефон девушки, если захочется.

Цзянь Фанпин не любил идти на поводу у девушек, лучше уж посмеяться и забыть. Как раз и приехали: силуэты домов на темном фоне леса, говорят, это единственный микрорайон, в котором есть настоящий лесной массив. Цзянь Фанпин хотел проводить ее до подъезда, но девушка вежливо отказалась. Следил, как ее фигурка исчезает вдаль, и не спешил уезжать, хотел было позвонить старосте и расспросить о девушке поподробнее, но в сдержался. Он давно уже ходил на свидания, женщин у него было немеряно, конечно, доводилось встречать и зазнаек. Но таких задавак, чтобы он смотрел снизу вверх, спасовал, но заинтересовался, таких еще не видел, Ван Ячжу первая. Цзянь Фанпин выкинул окурок, хмыкнул, завел машину и уехал.

На следующий день он перебрался в новый кабинет, где все было в беспорядке. Он не хотел, чтобы с ним носились как с ребенком, поэтому решил все сделать сам. Пока занимался уборкой, позвонил староста и обрушился на него с руганью:

– Где это видано, ты же в должности начальника бюро, а я, мать твою, замначальника департамента? Ты что ж меня позоришь?

Цзянь Фанпин смутился, кроме того, он побаивался старосты и его тестя, важного партийного чина, поэтому принялся что-то мямлить про занятость. Староста продолжал его распекать:

– Ты почему так холодно с ней обошелся? Телефон хоть взял?

Тут Цзянь Фанпин даже немного обиделся:

– Я попросил, а она не дала, еще и заважничала, выговор мне устроила, но не впрямую, а обиняками. Знаете, как говорят, указывают на тутовник, а поносят акацию!

Староста вспылил:

– Да ты знаешь хоть, сколько людей мечтают с ней познакомиться? Я для тебя специально приберег, а ты все испортил, проявив полное равнодушие! Такой удар по моей репутации, если у вас ничего не выйдет!

Цзянь Фанпин горько усмехнулся:

– Я и так разведенный мужчина, не смогу пережить очередное разочарование, вы для меня выбрали такую завидную

девушку, хотите мне добавить проблем? Я вас вечером приглашаю в отель «Интерконтиненталь», чтобы загладить вину, давайте посидим тет-а-тет, хорошо?

Староста холодно рассмеялся, сказав, что «Интерконтиненталь» – это неплохо, вот только он не пойдет.

– Ты уж постарайся, я всячески ее уговаривал, и она согласилась с тобой еще раз встретиться, тет-а-тет, так что теперь все зависит от тебя.

Цзянь Фанпин опешил, а потом довольно рассмеялся. Если бы он ей совсем не понравился, то зачем соглашаться снова встречаться? Цзянь Фанпин решил ковать железо, пока горячо, и принялся расспрашивать о прошлом девушки. Если не спросить, так и не узнаешь, но когда узнал, так даже ноги подкосились. Выяснились такие подробности, от которых снова кровь прилила в пах, вызвав возбуждение.

–А ты думал, она кто? Моя свояченица! — сказал староста, но сразу же предупредил: – Только не проболтайся, она мне строго-настрога запретила тебе говорить. – А потом успокоил: – Если дочь важного чиновника рисуется, то это все взаправду, это у деревенских повода зазнаваться нет, но и нам с тобой есть чем гордиться.

Повесив трубку, Цзянь Фанпин почувствовал, как голова закружилась, будто перед глазами со свистом проносится поезд и нет ему конца. Он долго сидел и много думал. Неудивительно, что Ван Ячжу разговаривала свысока, оказывается, у нее есть основания. Он вспомнил, как отец учил

его, мол, когда возвращаешься в кругах чиновников, то, как говорит китайская мудрость, увидишь человека – говори на языке людей, а увидишь черта – на языке чертей; и те и другие чушь несут, но вот если оба языка не подходят, значит, ты встретил небожителя, можно просто промолчать, а если он непременно захочет, чтоб ты говорил, тогда уж лучше говорить правду. Небожители всезнающие и всемогущие, им любой подхалимаж кажется смешным, годится только правда, тогда небожитель как минимум поймет, что ты честен... Головокружение продолжалось довольно долго, и только потом Цзянь Фанпин вспомнил, что надо заказать отдельный кабинет в ресторане, торопливо забронировал кабинет и подумал, что надо бы забрать Ван Ячжу. В душе все смешалось.

Девушка пришла ровно в семь, вернее, сама приехала на такси. Цзянь Фанпин отодвинул ей стул, дождался, пока она сядет, сердце гулко сделало «ух», когда он возвращался на свое место. Ван Ячжу нахмурилась:

– Стол ломился от еды, а вино где?

Цзянь Фанпин осторожно сказал:

– Не знал, какое вы любите, не осмелился заказать первое попавшееся.

Девушка все поняла и нахмурилась еще сильнее:

– Вам До что-то сказал?

До — была фамилия старосты, так что Цзянь Фанпин понял, о ком она говорит.

Итак, истинное положение вещей открылось, придется

прибегнуть к золотому правилу «Встретил небожителя – говори правду», поэтому он честно сказал:

– Это я навел справки, не вините своего зятя.

Ван Ячжу в гневе вскочила и вышла из кабинета, хлопнув дверью. Этот звук оглушил Цзянь Фанпина. Он смотрел на уставленный едой стол и в груди все клокотало, да так, что он мог бы прикурить от собственного дыхания. Но к гневу примешивался ужас. Девицу Ван ему начальник Чжун не сможет простить. Столько лет флиртовал и вот дофлиртовался! А еще хвастался «техникой безопасности», типа все романы без несчастных случаев, ага, еще и роман-то толком не начался, а уже несчастный случай со смертельным исходом. Несколько дней назад они с начальниками канцелярий обедали вместе, и кто-то сказал, что самый недалёковидный человек тот, кто «хватает карту со стола, когда у начальника только-только карты сошлись, и крутит стол в тот момент, когда начальник решил себе положить еду». Он все испортил — большой начальник девушку с доставкой на дом организовал, а он плюнул в душу. Слух об этом разнесется, и тогда карьере конец, застрянет намертво. Цзянь Фанпин прикинул самый плохой вариант развития событий, и на душе стало поспокойнее. Раз уже все случилось и карьера начнет пробуксовывать, то уж с этой-то должности вряд ли его снимут. Он закурил, взял палочки и положил в тарелку кусок рыбы в кисло-сладком соусе. Оказалось, очень вкусно. Он понимал, что девушка ушла с концами и с сегодняшнего дня продви-

жения по службе можно не ждать, поэтому просто придвинул тарелку и стал с аппетитом есть. Ел и думал: «Расходы за этот ужин можно еще будет списать на контору, а за следующий?» Он хотел даже позвонить и позвать родителей и сына, чтобы вместе насладиться ханчжоусской кухней, а вечером снять два номера: родители трудились всю жизнь, а отродясь не жили в пятизвездочных отелях.

Тарелка опустела. Дверь открылась. У Цзянь Фанпина подбородку тек сок, он инстинктивно поднял голову. Ван Ячжу удивленно смотрела на него, прижав к уху мобильник. Он обалдел. Девушка не выдержала и расхохоталась, говоря при этом в трубку:

– Как твой одноклассник? Хм, он отлично проводит время, в одиночку почти целый стол еды умял! Надеюсь, он знает меру.

Цзянь Фанпин почувствовал лишь, как голова пошла кругом. Ван Ячжу непонятно когда успела сесть и теперь холодно улыбалась, глядя на него. Цзянь Фанпин, вытирая рукой подбородок, сказал:

– Разве вы не ушли?

Она язвительно заметила:

– Посчастливилось встретить такого незаурядного человека, жалко уходить. Чем еще порадуете, начальник Цзянь?

Он смущенно встал, закрыл дверь, взял чайник и налил ей чашку улуна.

– Давайте так, я вам расскажу анекдот, если будет смешно,

то больше не станете меня позорить.

Судя по всему, девушка уже готова была рассмеяться, но сдержалась, и лицо ее окаменело.

– Одного преступника приговорили к смертной казни, палач стреляет, а пистолет дает осечку, второй раз стреляет, снова осечка. Преступник заплакал и взмолился, мол, давай как-то повеселее, а то уже напугал до полусмерти.

Ван Ячжу с безучастным видом отхлебнула чаю:

– Это и есть ваш анекдот?

Цзянь Фанпин промолчал. Девушка принялась есть, как будто рядом никого и нет, потом с набитым ртом поинтересовалась:

– Начальник Цзянь, а вы на машине?

Цзянь Фанпин с серьезным видом ответил:

– Ну, когда приехал, то был на машине, а сейчас даже и не знаю.

Рука Ван Ячжу замерла. Она уставилась на него и внезапно расхохоталась. Может быть, для небожительницы правда и есть самый лучший анекдот?

Начальник Чжун узнал последние известия с любовного фронта Цзянь Фанпина и взглянул на него другими глазами. Однажды, после того как подчиненный закончил отчет, начальник Чжун подозвал его и вытащил из шкафа какой-то пакет со словами:

– Говорят, твоя девушка любит красное вино, вот возьми,

порадуй ее.

Цзянь вернулся в кабинет, открыл – оказалось, что это две бутылки французского «Шато Марго» 1996 года. Он видел эти бутылки дома у господина Чжуна, начальник ездил с важной делегацией во Францию с визитом и там их купил, тогда рыночная цена каждой бутылки была около десяти тысяч юаней. Дело в том, что это вино долго созревает, у него переменчивый вкус, с легкими нотками левкоя, и оно славится как «королева вин». Ван Ячжу в винах разбиралась, мельком взглянула на этикетку и рассмеялась:

– Похоже, ваш начальник Чжун действительно знаток красного вина, для повышения настроения выбрал специально вино для девушек, очень хорошее, передай ему от меня спасибо.

На самом деле даже Цзянь Фанпин не ожидал, что отношения будут развиваться успешно. Они вместе ходили в кино, пили кофе, дегустировали красное вино, гуляли по улицам, путешествовали – короче, делали все, что положено делать влюбленным, кроме того самого. Дни летели быстро. А потом Цзянь Фанпин впервые почувствовал, как обманчиво время. Отец, узнав, из какой семьи Ван Ячжу, скурил полпачки сигарет и вспылил:

– Ты, парень, полегче на поворотах! Чэнь Шимэй¹⁰ вон

---

¹⁰ Чэнь Шимэй – один из наиболее отрицательных героев китайского фольклора, ученый-дилетант, фактически бросивший семью ради женитьбы на дочери императора. Чэнь Шимэя казнили, когда правда всплыла наружу, – зарезали тесаком для резки соломы.

тоже был зятем императора, а его все равно зарезали!

Цзянь Фанпин рассмеялся: всего-то дочка заместителя секретаря, с чего вдруг «зять императора»?

– Ты только-только пошел на повышение, у всех на виду, а теперь скажи честно: у тебя и впрямь такой чистый зад? Твой отец всю жизнь работал в дисциплинарной комиссии, может рассудить, что к чему. Ты что думаешь, нашел себе дочку замсекретаря и можно успокоиться? Я за столько лет работы ни одного чиновника не видел, чтоб вечно руководил, а вот свергнутых хоть пруд пруди. Ты и повышение получил, и в любви тебе везет, все-то спорится, но не забывай, что стреляют по той утке, которая высовывает голову!

Цзянь Фанпин рассмеялся:

– Пап, ты посмотри, что ты за сигареты куришь? «Хуанх-элоу 1916».

Отец опешил:

– И что с того? Дороже, чем «Чжунхуа»¹¹ что ли?

Цзянь Фанпин сдержал смех:

– Типа того.

Отец недоверчиво посмотрел на него, а потом побагровел и швырнул пачку об стену, на пол посыпались белоснежные сигареты, желтели только фильтры. Цзянь Фанпин с интересом наблюдал за отцом, тот в бешенстве вскочил и заорал:

– А ну-ка унеси, я не буду курить сигареты коррумпированного чиновника!

---

¹¹ «Чжунхуа» – самые дорогие сигареты китайского производства.

Цзянь Фанпин наклонился, поднял сигареты, сложил обратно в пачку и сунул отцу в карман, а потом со вздохом сказал:

– Пап, я твои слова запомнил, я не буду ни коррупционером, ни уткой-выскочкой, договорились?

Отец покачал головой и уныло проговорил:

– Сынок, я ж за тебя переживаю, я много повидал продажных чиновников, я-то что, просто не хочется, чтобы Вэйвэя обижали, чтобы он при всех и головы не смел поднять.

Цзянь Фанпин не знал, плакать или смеяться, утешил отца и пошел к себе спать. В субботу Цзянь Фанпин встал пораньше, чтобы купить ютяо¹², и по дороге увидел, как отец в толпе других стариков занимается гимнастикой тайцзицюань, а во время перерыва радушно угощает всех сигаретами. Над площадкой за клубился дым, Цзянь Фанпин присмотрелся: если у стариков в руках не «Хуанхэлоу 1916», тогда что? Он повернулся и ушел, пока отец его не заметил.

Так прошел месяц с лишним, староста, что так удачно свел их с Ван Ячжу, разумеется, кичился этим и везде хвастался. Когда их отношения с девушкой наладились, Цзянь Фанпин в знак благодарности пригласил старосту с супругой на прогулку. В машине все четверо увлеченно болтали о том о сем. Когда по дороге остановились поесть, Ван Ячжу кто-то позвонил. Внезапно выражение лица жены старосты из-

---

¹² Ютяо – полоска теста, жаренного в масле, излюбленная еда китайцев на завтрак.

менилось. Девушка разговаривала, переводя взгляд со старшей сестры на Цзянь Фанпина, и голос понизила. Сердце у него тревожно забилося, но он как ни в чем не бывало болтал со старостой и его супругой, однако супруга внимательно поглядывала на младшую сестру. Когда разговор закончился, за столом повисла тишина. Ван Ячжу отламывала кусочки от пампушки, которую держала в руке, меланхолично скатывала из них шарики, глядя на них пустыми глазами. Помолчав немного, жена старосты поднялась и сказала младшей сестре:

– Давай-ка отойдем, надо поговорить.

Жену старосты звали Ван Юнь, она была ровесницей Цзянь Фанпина и на десять лет старше сестры, очень хорошая женщина, немногословная, но уж как скажет, так скажет, каждое слово на вес золота. Староста обескураженно прошептал:

– Что ж такое, вроде выехали поразвлечься, а вы какие-то разборки устраиваете.

Его жена ничего не ответила, а потом сказала, пристально глядя на младшую сестру:

– Ну, ты идешь или нет, или непременно хочешь, чтобы сестра тебе при всем честном народе оплеуху отвесила?

Цзянь Фанпин и староста изумленно переглянулись, не понимая, как себя вести в такой ситуации. Ван Ячжу все так же лепила шарики из мякиша, и в полку шариков постоянно прибывало, словно то была толпа беженцев. Девушка выда-

вила из себя улыбку:

– Сестренка, да ничего тут нет такого, не принимай близко к сердцу, хорошо?

Цзянь Фанпин почувствовал себя лишним, ему было неловко присутствовать при семейных разборках, он сконфуженно сидел, как гость. Староста почувствовал, что долг велит ему вмешаться, поэтому встал и потянул жену за руку:

– Ну, ты чего, такая веселая была...

Не успел он договорить, как жена вспылила:

– Ты в наши с сестрой дела не лезь! Жри давай! Ячжу, последний раз говорю, ты идешь или нет?

Окружающие начали метать в них взгляды, словно дротики. Цзянь Фанпин никогда не видел жену старосты в таком состоянии, и тут понял, что она уже реально замахивается и вспомнил, что они не так далеко от города уехали, – если вдруг кто из знакомых увидит, то нехорошо получится, поэтому, собравшись с духом, подтолкнул Ван Ячжу:

– Послушай сестру, иди.

Девушка вскочила, обернула к нему покрасневшее лицо и тихонько прошептала:

– Прости меня.

Староста побледнел от злости, а Цзянь Фанпин усмехнулся. Перспективный молодой чиновник, стремительно делающий карьеру, а жена тобой командует, как собачонкой, – злость делу не поможет. Ты уже по уши влип. Жениться на дочке чиновника – все равно что отправиться в дальние

края, взвалив на спину железную стремянку, да, она не часто пригождается, но по ней всегда можно залезть наверх, поэтому и выбросить боязно. Староста выкурил одну за другой две сигареты, а потом сказал:

– Слушай, Цзянь Фанпин, как по-твоему, что они затеяли?

Цзянь Фанпин горько усмехнулся:

– Если уж член политбюро ЦК не знает, то где уж мне знать, я же в резерве нахожусь!

Староста посмотрел на него и со вздохом сказал:

– На самом деле жена обычно очень... очень покладистая, вот только постоянно утаивает что-то, связанное с младшей сестрой. Как я ни пытал – не говорит.

Цзянь Фанпин успокоил его:

– Они птицы высокого полета, где уж нам, простым смертным, понять их.

Они сочувственно покивали друг другу. Через некоторое время сестры вернулись. Ван Ячжу села и молча растерла в ладони шарики, потом завернула их в салфетку и бросила на пол. Староста осторожно поинтересовался у супруги, мол, дальше поедем или обратно вернемся. Женщина уже успокоилась и кротко ответила с улыбкой:

– Зачем же возвращаться, ведь еще не доехали!

До места добрались уже под вечер, Цзянь Фанпин подсутился и организовал им ночлег, но не стал торопить события, поэтому заказал три номера. Лицо старосты было мрач-

ным, от его хорошего настроения не осталось и следа. Вечером они молча посидели у костра, затем запустили пару хлопущек вчетвером, Ван Ячжу сказала, что устала и пойдет спать, и все разошлись по комнатам. Цзянь Фанпин принял душ и закурил, лежа в кровати. Вина здесь хорошего не подавали, поэтому он заказал первое попавшееся – калифорнийское «Мондави». «Мондави» довольно крепкое вино с высоким содержанием танина, можно захмелеть даже с пары глотков. Он думал о том, что сегодня произошло, мысли перепрыгивали с одного на другое, на сердце стало тяжело, внезапно он потерял интерес ко второму браку, маячившему на горизонте. Сегодняшний день старосты – это его завтра, придется жить бок о бок с дочкой чиновника, у которой постоянно меняется настроение, и что тогда делать? Каким бы конкретным ни был меркантильный интерес, но быть с такой девушкой или отказаться от нее — в любом случае требуется мужество, чтобы сделать решительный шаг, как говорится, «смелчак отрубает руку, укушенную змеей». Ему уже тридцать восемь. Родители его не видели счастливым, сын вырос, и характер у него сложный, ко всем женщинам, которые будут претендовать на роль мамы, настроен враждебно. Если и правда жениться, то что потом? Как им быть? Высока вероятность, что, по мнению Ван Ячжу, нужно жить под одной крышей с ее родителями. А сын? Ну, допустим, ее еще можно уговорить, но согласится ли сын? Возникнет и более серьезная проблема, ведь Ван Ячжу непременно захо-

чет родить ребенка, а как же Вэйвэй? Какой бы ласковой ни была мачеха, но это мачеха, а когда родится родной ребенок, то Вэйвэй наверняка будут обижать. Нельзя из-за этого потерять родного сына. Он сам не заметил, как выпил полбутылки, а пепельница наполнилась окурками. Рядом с изголовьем зазвонил телефон. Это была Ван Ячжу:

– Спишь?

– Нет еще.

– Весь день за рулем – и не спится?

– Да мысли всякие в голову лезут, никак не уснуть.

– Тогда я приду к тебе, поболтаем.

Цзянь Фанпин вытряхнул пепельницу, и тут вошла Ван Ячжу. Они поглядели друг на друга, а потом Ван Ячжу спросила:

– У тебя ведь накопилось много вопросов.

Он покачал головой:

– Ты не сомневайся, я не хочу ставить тебя в неловкое положение.

У нее вдруг полились слезы из глаз. Девушка спросила:

– Можно воспользоваться твоим телефоном? А то мой сестра забрала, а из номера только на местные можно звонить.

Ван Ячжу позвонила, но телефон абонента был выключен. Она не умела пользоваться такой моделью и спросила, как отправить сообщение. Цзянь Фанпин показал ей и отошел, чтобы не смущать девушку, и стал смотреть телевизор.

«Проклятые хорошие манеры, черт бы их побрал. – подумал Цзянь Фанпин. – Зачем они вообще сдались? Ведь у меня их не было, только раз притворился, теперь все время приходится притворяться, они уже въелись в тело, словно вторая кожа, хочешь снять, а никак». Ван Ячжу повозилась немного с телефоном, а потом смущенно спросила, как стереть список вызовов и отправленных СМС. Внезапно его горячий нрав дал о себе знать. Цзянь Фанпин закипел: ну это уже слишком! Как я дошел до жизни такой? Я мужик все-таки! Хорошие манеры как ветром сдуло, он с трудом сдерживал бешенство, но тяжелое дыхание все ей объяснило. Ему хотелось разорвать ее в клочья. Ван Ячжу отложила телефон, посмотрела на красное вино и с усмешкой спросила:

– Это что, «Мондави»? Оно среди вин считается крепким.

С этими словами она схватила бутылку, допила остатки, вытерла губы и сказала:

– Давай займемся любовью!

Цзянь Фанпин уставился на нее, потом процедил сквозь зубы:

– Это что, сделка? Не надо так, я тебя научу, как удалять.

– Нет, не сделка, я раздумала удалять, просто мне кажется, что я перед тобой виновата, ты не получил то, на что рассчитывал.

Она не спеша взяла с чайного столика листок бумаги, разорвала на мелкие клочки и сложила в кучку. На ее лице появилась мрачная улыбка, напоминавшая эти клочки бума-

ги. Цзянь Фанпин молча встал, грубо схватил девушку за талию и бросил на кровать. Ее глаза распахнулись, она не сопротивлялась, когда он срывал с нее одежду, яростно целовал, яростно лапал и яростно входил в нее. Во время всего процесса Цзянь Фанпин сжимал зубы, пока не обмяк на ней, истекая потом. Ван Ячжу плакала, потом рассмеялась, ей было больно. Его пот стекал по ее телу. Цзянь Фанпин откинул одеяло и увидел на простыне несколько пятен крови, словно пролито красное вино. Заметив его замешательство, Ван Ячжу сказала:

– Я виновата: забыла тебя предупредить. Ты отдохни и давай еще раз.

В комнате всю ночь горел свет. На следующее утро староста понял, что произошло между Цзянь Фанпином и Ван Ячжу, сально хихикая, потыкал его в бок, но Цзянь Фанпин уже не чувствовал боли. Экскурсия оказалась интересной, галереи длиной в десять ли, прорубленные прямо в горах, вызывали благоговейный трепет. Цзянь Фанпин подумал: «Люди вон какие ходы прямо в скале прорубили, а я себе хорошую жену найти не могу?» К обеду, видимо, и жена старосты узнала о том, что вчера случилось, заметно расслабилась, уже не караулила так младшую сестру и потихоньку отдала ей мобильник. Ночь Ван Ячжу снова провела в номере Цзянь Фанпина. Они пробыли в живописном районе два дня, пришла пора возвращаться. Староста вызвался сесть за руль, сказав:

– Начальнику Цзяню нужно отдохнуть.

Супруга рассмеялась и пожурила его. Всю дорогу девушка льнула к его груди, а он с нежностью гладил ее лицо. Они так увлеклись, что староста с женой даже в зеркало заднего вида не осмеливались смотреть и головы не поворачивали. В машине звучал голос Ван Фэй, когда дошла очередь до песни «Карусель», Ван Ячжу тихонько стала подпевать:

Деревянная лошадка
Так укачивает сладко
В этом маленьком раю,
У лошадки крыльев нет,
Но тебя она уносит,
Ты взлетаешь и хохочешь,
Но на месте я стою...

Раньше Цзянь Фанпину казалось, что он разбирается в красном вине и в творчестве Ван Фэй. Но сейчас он недоумевал: кто та «деревянная лошадка», о которой поется в песне, и кто взлетает? Прощаясь, староста шепнул:

– Ты молоток, жду приглашения на свадьбу.

В ответ Цзянь Фанпин только улыбнулся, грудь сжимало так, что не продохнуть. Через пару дней снова позвонил староста, как и предполагалось, в ярости, и в лоб спросил:

– Ты знал, что Сяо Чжу уехала за границу?

Цзянь Фанпин промычал что-то в ответ. Староста принылся распекать его, он молчал, и староста бросил трубку.

Из вежливости он дал старосте возможность выговориться. Когда тот положил трубку, Цзянь Фанпин подошел к двери, запер ее на замок, но вернуться на место не хватило сил, поэтому он постоял, прислонившись к двери, а потом сполз вниз и уселся на пол. Слезы хлынули из глаз. То ли от обиды и оттого, что его обманули, то ли от того, что серьезно отнесся к этому чувству, он и сам толком не знал. Когда плачет тридцативосьмилетний мужик, то это жалкое зрелище. Он скурил целую пачку сигарет, и тут ему снова позвонил староста, но в этот раз его будто подменили. В трубке слышался плач его жены. Староста сказал коротко:

– Я знаю, что произошло. Собирайся. Тебя хочет видеть мой тесть.

Жилой комплекс для членов постоянного комитета оказался на редкость неказистым. Вооруженный охранник на входе долго проверял документы старосты, усмехаясь: правила такие, надо даже у знакомых документы проверять. Староста выдавил из себя улыбку. Дом у Ванов был очень скромным. Даже телевизор совсем древний. Тесть принял их в кабинете, прохаживаясь взад-вперед:

– Про ситуацию с Сяо Чжу вы оба знаете?

Староста и Цзянь Фанпин переглянулись. Староста сказал:

– Я только что узнал. Сяо Яюнь мне сказала.

Тесть замер на месте:

– Мать рано умерла, Сяо Яюнь вырастила младшую сест-

ру. Сяо Цзянь, ты тоже в курсе?

Цзянь Фанпину казалось, что ему все это снится. Впервые его имя прозвучало из уст члена постоянного комитета. Он покивал.

– Да, Сяо Чжу мне сама сказала, по дороге.

– Раз знаете, пусть это останется между нами, не болтайте. – Старик продолжал мерить комнату шагами. – Тем более ничего в этом достойного не вижу. Нарушены нормы морали. На самом деле это я виноват, что дочку не воспитал как следует. Это все, что я хотел сказать. Вы на ключевых постах работаете, заняты очень, не смею задерживать.

Староста и Цзянь Фанпин поспешно вскочили. Прощаясь, старик похлопал Цзянь Фанпина по плечу со словами:

– Перед отъездом Сяо Чжу просила передать, что ты хороший человек, пусть у тебя все будет хорошо.

Цзянь Фанпин не мог вымолвить ни слова, только качал головой. Старик вздохнул:

– Обидела она тебя, я понимаю.

Цзянь понимал, что для такого большого начальника произнести эти слова очень и очень нелегко.

Цзянь Фанпин со старостой не стали возвращаться на работу, староста привез его на берег реки, где они долго смотрели на бурлящую вдалеке воду и молчали. Староста поднял большой камень и бросил в реку, отчего по глади воды пошли мутные волны. Староста воскликнул:

– Черт возьми! И впрямь, каких только чудес не встре-

тишь, а тут такое... она ж тебе...

Цзянь Фанпин перебил его:

– Хватит, как бы то ни было, спасибо, что нашли мне девственницу.

Староста обернулся и изумленно ахнул:

– Правда, что ли, девственница?

Цзянь Фанпин прыснул со смеху:

– А могло быть иначе?

– Повезло тебе! Тогда ты меня приглашаешь выпить!

– Конечно-конечно!

И они бок о бок пошли к машине.

3

После того как Ван Ячжу уехала за границу, у Цзянь Фанпина смотрины стали вызывать ужас. Все внутри цепенело, и даже мысль о флирте больше не грела. Проблемы на этом не кончились, завистники Цзянь Фанпина с радостью потирали руки, ждали, когда смогут над ним посмеяться. Староста сказал:

– Знаешь, что для чиновника самое радостное? Когда посреди ночи являются члены дисциплинарной комиссии, сообщают, что срочно надо прибыть по «двойному указанию»¹³, а у тебя рыльце в пушку. Ты перепуган так, что вот-

---

¹³ «Двойное указание» – система партийных дисциплинарных расследований, применяемая исключительно к высокопоставленным членам компартии. По ре-

вот обделаешься. И тут они уточняют: «А вы такой-то?» Ты плачешь от радости и громко сообщаешь: «Вам в квартиру напротив!»

Увы, все, кто надеялся на подобный «анекдот», разочаровывались. Судя по всему, Цзянь Фанпин не только не покатился вниз, но его вроде бы даже ждало повышение. Когда провинциальный партком нового созыва организовал обучение для начальников бюро, то в списке имен грозно красовалось его имя. Якобы сначала в заявке Цзяня не было, департамент выдвинул только одного начальника бюро по фамилии Хуан. Дело в том, что Цзянь Фанпин недавно получил повышение, да и по квалификации сильно уступал товарищу Хуану. Но никто не предполагал, что организационный отдел парткома сам поднимет этот вопрос и выделит дополнительное место. Этому изменению, которое соответствовало принципам, но противоречило здравому смыслу, очень удивился начальник Чжун. По поводу подоплеки мнения разошлись. Но Цзянь Фанпина действительно взяли в группу, а после окончания курсов переподготовки он оказался в очереди на перевод на должность замначальника отдела. Факт столь же очевидный, как пятно на юбке Моника Левински. Кто стоял за Цзянь Фанпином – тайна, покрытая мраком, более того, в этот раз он был на курсах переподготовки един-

---

гламенту партийному работнику, находящемуся под подозрением, сообщают время и место (отсюда и название «двойное указание»), куда необходимо прибыть для беседы-допроса.

ственным холостым мужчиной; когда это выяснилось, все стали завидовать и наперебой предлагать разных девушек, что Цзянь Фанпину здорово надоело. Того, кто видел безбрежное синее море, речкой не удивить. Теперь Цзянь Фанпину было сложно найти пару, бывало, в самом начале знакомства он искал повода для разрыва – нет, редко когда отношения развивались. Он сам напоминал себе дряхлую, но мудрую змею, странную, ужасную, при виде которой леденела кровь, – такая лучше будет голодать, чем есть тухлятину. Время размеренно текло. Департамент построил для сотрудников новый жилой комплекс, после ремонта он перевез в новую квартиру всю семью. Квартира площадью сто восемьдесят метров располагалась на первом этаже, с маленькой террасой и подвалом. Когда отец с сыном укладывались, Цзянь Фанпин выходил один на террасу, устраивался в шезлонге, а рядом ставил бокал с красным вином. «Шато-неф-дю-Пап» из виноградников в долине Роны, с очень богатым вкусом, – это вино лучше всего подходит для уединенных размышлений. Он вспоминал, как все вокруг снова и снова говорили, мол, кто же будет хозяйкой в твоей квартире?

В новом доме действительно не хватает молодой жены, думал он.

Он постоянно встречался с кем-то, но чувств не было. В прошлый раз пожилой начальник бюро познакомил его с женщиной – доктором наук. Ей было чуть за тридцать, в

очках, средней привлекательности и тонкая, словно карандаш. Может, она и была эрудированной, но ораторский талант оказался прямо пропорционален образованности, потому она в основном помалкивала. Она изучала биологию и привыкла рассматривать клетки под микроскопом, а сидящий напротив живой человек не представлял для нее интереса и был непонятен, да и вообще слова на вес золота. Причина, по которой Цзянь Фанпин отправился с ней на свидание, проста: она как-никак доктор наук и может помочь в вопросах образования Вэйвэя. В отличие от тех женщин, с кем ему доводилось встречаться, она понятия не имела ни о его социальном положении, ни о должности, ни о власти, даже марку машины не опознала. Как-то раз он забирал ее из института на стареньком «пассате», она нахмурилась и сказала:

– Надо помыть твою «сантану».

Эта фраза умилила его. Они как-то поспорили со старостой группы и провели интересный эксперимент. Он взял «ауди-А8», которая принадлежала подчиненной организации, и подъехал к местному художественному училищу. Не прошло и тридцати минут, как в дверь машины постучала какая-то девушка и попросила подбросить до бара, где у нее встреча с однокурсниками. Девушка выглядела невинной, аж слюнки побежали. Цзянь Фанпин вспомнил те две ночи, что провел с Ван Ячжу в поездке. Он с радостью пригласил девушку в машину. Та со знанием дела курила найденные в машине сигареты «Хуан-хэлоу 1916» и хвасталась, что разби-

рается во всех люксовых брендах автомобилей. Всю дорогу фактически только она одна и говорила, ее развязность заставила его кое-что заподозрить. Перед глазами в воображении поплыли, кружась по небу, презервативы. Когда доехали до места, девушка позвонила однокурсникам, переговорила, а потом с грустью сообщила, что вечеринку отменили. Цзянь Фанпин намек понял и сказал, мол, ты иди вперед, найди в баре, где сесть, а я припаркуюсь и приду. Девушка вышла, прихватив сигарету, а Цзянь Фанпин развернулся и поехал прочь. В зеркало заднего вида он видел, как девица осыпает его проклятьями. Староста заказал отдельный кабинет в ресторане и ждал его с коллегами из партийной школы. Цзянь Фанпин вошел и со вздохом сказал:

– Ты выиграл, сегодня я всех угощаю.

Все долго хохотали.

На самом деле доктор наук сообщила важную новость. У нее мизофобия — отсюда болезненная любовь к чистоте. Она спокойно относилась к крови при вивисекции, но не могла пережить даже крошечную точку грязи на его теле. Она настойчиво рекомендовала ему ежедневно принимать душ и мыть голову, назвав при этом проверенные марки мыла и шампуня, следила за осанкой, не давала курить, а красное вино разрешалось только в терапевтических дозах. Ей категорически не нравился общественный транспорт, если сиденье еще хранило тепло чужого тела, она вскакивала и упрямо ждала, пока сиденье остынет, и только потом сяди-

лась, она не пила холодную воду и даже в жару употребляла обжигающий кипяток и т. д. и т. п.

Цзянь Фанпин надеялся вначале, что это просто период притирки, а потом все образуется, но прошел месяц, потом два, но они так и не притерлись, постоянной шлифовке подвергался только он. Цзянь Фанпин попытался ее поцеловать, она не отвернулась, но губ не разжимала, пояснив, что у нее аллергия на его слюну. Ему хотелось спросить ее в лоб: есть ли на этом свете хоть что-нибудь, что не вызывает у нее аллергию? Пошел третий месяц – он принял решение разорвать отношения. Они договорились встретиться в одной винодельне, Цзянь Фанпин заказал бутылочку вина «Санта-Каролина Вистана». Довольно дешевого, но она все равно не разбирается. Доктор наук заметила, что он ходит вокруг да около, и сама спросила:

– Тяжело тебе со мной? Хорошо, давай расстанемся.

У Цзянь Фанпина словно гора с плеч упала, а в душе он даже пожалел ее. На прощание она сказала:

– Можешь считать себя джентльменом, ты все время относился ко мне с уважением. Спасибо.

На самом деле Цзянь Фанпину вовсе не хотелось быть джентльменом. В нем определенно жил дикий зверь, а ради того, чтобы быть джентльменом, волей-неволей приходилось погружать этого зверя в зимнюю спячку, не сообщая, когда наступит весна, поскольку он и сам не знал.

В департаменте было много новеньких практиканток, кое-

кто явно заигрывал, другие искусно намекали, в итоге его кругозор расширялся. Каждый раз, когда он отправлялся в командировку в сопровождении женщины-коллеги, головная боль была обеспечена. Разговаривая с женщинами о делах, он открывал дверь и повышал голос, как будто он на собрании, чтоб никто ничего не подумал. Самое любопытное, что его неспешный выбор второй супруги привлек внимание еще одной дамы. Ду Сюаньвэй, родив новому мужу дочку, непонятно почему вдруг развелась с ним. Она твердо верила, что Цзянь Фанпин все это время ждал ее, явилась к нему и предложила снова пожениться. Он просто ошалел оттого, какие бывают смелые бабы, но, разумеется, отказал. Вэйвэю, естественно, не понравилось появление у мамы маленькой дочери, так что Ду Сюаньвэй никто не поддержал. Затея эта провалилась. Самое интересное, что Ду Сюаньвэй еще дважды являлась и буянила в департаменте, грозила себя убить, один раз она прихватила с собой снотворное, второй раз — нож. Если бы не этот реквизит, ей еще могли бы посочувствовать, но после скандалов общественное мнение развернулось в противоположную сторону, и объектом сочувствия стал Цзянь Фанпин. Родители тоже не дремали. И хотя здесь у них знакомых было мало, они выписали парочку невест из родного города, причем кандидатки были самые разнообразные, Цзянь Фанпин не знал, смеяться ему или плакать. Отец спросил:

—Ты, в конце концов, какую ищешь?

Он честно ответил:

– Я не знаю, но скоро найду.

Отец возмутится:

– Хрен ты эдакий! Ты скоро в Симэнь Цина¹⁴ превратишься такими темпами!

Иногда Цзянь Фанпин выезжал из города, останавливал машину на обочине и закуривал. Он спрашивал себя: «Что ты творишь?» Небо постепенно темнело, проезжающие мимо автомобили включали дальний свет, освещая капот, но в салоне было темно. Он больше не слушал Ван Фэй, просто включал радио, а если в эфире звучал голос Ван Фэй, переключался на другую радиостанцию. Рекламировали продажу автомобилей, квартир, а у него все это было, не хватало только ощущения стабильности. Это ощущение может дать только женщина, и то не всякая. Вот в чем проблема. Он, по мнению окружающих, именно тот мужчина, который внушает доверие: у него высокий статус, хорошие манеры, прекрасная жизнь, он разбирается в красном вине и может себе позволить расходы на него. Но какая женщина может дать ему ощущение стабильности? Ему скоро сорок, найти ту, которой он понравится, несложно, – сложно, чтобы самому понравилась. Почему никто не подойдет к нему и не скажет: «Я хочу жить с твоими родителями, я хочу относиться к Вэйвэю, как к своей плоти и крови, я ради тебя все сделаю».

---

¹⁴ Симэнь Цин – главный герой романа «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе»), богатый кутила и распутник.

Он спрашивал себя: «Неужели я слишком многого требую?»

Когда закончились занятия в партийной школе, им организовали поездку в Синьцзян. Цзянь Фанпин вел переговоры с туристическим агентством. Агентство из особого уважения, помимо сопровождающего гида, отправили с ними еще и помощницу руководителя отдела по работе с крупными клиентами – двух молодых красивых девушек. Вырвавшись из привычной колеи, его товарищи расслабились, заигрывали с девушками и несли всякую чушь. Цзянь Фанпин в этом не участвовал, но с интересом наблюдал. Девушки были очень эрудированными, но как только узнали, что он не женат, стали держаться на почтительном расстоянии. Разведенные партийные чиновники языком трепать горазды, а до дела редко доходит, потому что духу не хватает, в итоге все только на словах. Поэтому флиртовать с женатыми чиновниками безопасно, а вот с одинокими нет. Игра есть игра, шутки шутками, и обе гидессы это понимали.

Несколько дней они провели в Канасе, катались верхом, пели песни, плясали, устраивали посиделки у костра. Как-то раз заехали на лошадях в чащу леса. Вид девственной природы тронул всех. Цзянь Фанпин снова ощутил волну возбуждения, но вскоре тело и душа успокоились, он стал словно младенец, спящий в материнской утробе. Возможно, все почувствовали что-то подобное, поскольку один из мужчин предложил побегать голышом. Было не жарко, около двадцати градусов, но все отнеслись к идее с энтузиазмом, и неко-

которые согласились. Женщин в группе было мало, и все решительно отказались. Одна дама с жаром заявила:

– Друзья мои, у меня климакс скоро, я и раздеться-то уже не могу, куда уж бегать!

Мужчины расхохотались, взялись за руки и встали вокруг женщин, крича все разом. Все смеялись, но никто не уступал. В итоге Цзянь Фанпину надоело, он расцепил руки, позволив женщинам выйти из круга, те, звонко смеясь, повели лошадей прочь, оставив этих сумасшедших. Мужчины за то, что Цзянь Фанпин перешел на сторону противника, решили его наказать и велели первому раздеваться. Он не стал отнекиваться, быстро разделся догола, продемонстрировав, что его «маленький монашек» в полной боеготовности, и с вызовом посмотрел на одноклассников. Все принялись улюлюкать и громко аплодировать, а потом и сами разделлись, сбросив одежду на землю. Тех, кто замешкался, поддразнивали, сдергивали с них трусы. Очень быстро в лесу осталась только толпа голых, дрожащих от холода начальников бюро. Березовый лес напоминал материнскую утробу, а в материнской утробе людям нет необходимости что-то скрывать, поэтому нагота никого не смущала. На самом деле они одинаковые, одинаковые по положению и по рангу, а без одежды тем более. Поэтому они расслабились и громко хохоча и носились до тех пор, пока не взмокли. Цзянь Фанпин бежал вместе со всеми. Устав, сели на одежду и закурили, перебрасывались сальными шутками. Некоторые перешептывались,

мол, посмотрите-ка, у такого-то встал. Жертва шуток отнекивалась, дескать, в такой холод разве что у коня встанет. И тут же кто-то возразил: да нет, встал-то только у начальника Цзяня. Цзянь Фанпин посмеялся вместе со всеми. Потом они опять принялись бегать, а кое-кто улегся, позволив солнышку приласкать укромные местечки на теле. Внезапно послышалась громкая ругань.

– Ах ты, шваль! Да я тебя имел так и эдак!

«Швалю» явно называли кого-то из коллег. Сначала все опешили, но, поняв, в чем суть, принялись ругаться на все лады, брань звучала как хоровое пение, эхом разносилась среди берез. Цзянь Фанпин долго ломал голову, но так и не придумал, кого бы ему обругать, поэтому просто сказал, мол, всех, кого вы там поимели, я еще разок поимею. Все сначала остолбенели, а потом, не сговариваясь, хором расхохотались, похвалили его за оригинальность.

Вернувшись в провинциальный центр, все снова стали чинными, вели себя, как положено по статусу, работали, иногда собирались вместе. Однажды на вечеринке Цзянь Фанпина и парня, который первый обозвал кого-то «швалю», посадили вместе, они вспомнили пробежку голышом и расхохотались. Тем, кто не был в курсе, стало любопытно, они принялись допытываться, над чем смеются их друзья. Цзянь Фанпин и его однокашник по партийной школе замолчали, посерьезнели и ответили, мол, ничего смешного. После этого редко кто вспоминал о том эпизоде в лесу, даже

его участники, встречаясь, не заговаривали об этом, словно ничего и не было. Турфирма под Новый год устроила банкет и пригласила Цзянь Фанпина – его подобные мероприятия не особо интересовали. В конце года у начальников канцелярий самая запарка, нужно поздравить руководство, навестить вышедших на пенсию чиновников, написать целый ворох бумаг — короче, работы непочатый край. Но его пришла пригласить та девушка, которая ездила с их группой в Канас, помощница руководителя по фамилии Шэнь. Они вспомнили несколько любопытных случаев из той поездки, а Цзянь Фанпин припомнил ту сцену с раздеванием, не выдержал и засмеялся. Девушка покраснела:

– Вы про тот день вспомнили? – и захихикала.

Он внезапно заинтересовался банкетом, вернее, этой девушкой по фамилии Шэнь, и согласился прийти. На банкете подавали дешевое красное вино, от которого он шарахнулся, словно от яда. Но директор турфирмы проявил к нему уважение и в знак признательности подарил карточку почетного гостя. Он с благодарностью принял ее. Помощница руководителя Шэнь была рада, она слегка захмелела и по секрету сообщила, что поскольку их поездка прошла успешно, то начальник повысил ей зарплату и прикрепил к ней его как солидного клиента. Энтузиазма у Цзянь Фанпина поубавилось, он даже пожалел, что пришел. Провожая девушку домой, он видел, что она еще возбуждена, она болтала, смеялась и пела. Он вел машину и улыбался, решив не мешать ее просто-

му счастью, как и положено мужчине с отменными манерами. Хорошо быть молодым, можно дурачиться, смело делать все, что хочется. Да, он ведь тоже был когда-то молодым, но его молодые годы растрчены на учебу и брак, можно лишь иногда с грустью вспоминать былое. Они доехали до дома девушки, Цзянь Фанпин остановил машину, ожидая: она прощается или пригласит его подняться посидеть? Посидеть или полежать? От этой двусмысленности захотелось рассмеяться. Сколько уже раз он это все проходил!

Веселое настроение Шэнь улетучилось. Она посмотрела на него, а потом вдруг спросила:

– Вам обязательно, чтобы девушка была девственницей?

Этот вопрос его удивил, а ему нравились нетривиальные вопросы. Цзянь Фанпин подумал-подумал и сказал:

– Не стану отвечать, поскольку наше знакомство еще не зашло так далеко.

Он специально сказал правду, правда всегда жестока, да и любопытно было, что она станет делать дальше.

– Значит, вам это важно. – Лицо ее было бесстрастным и самоуверенным. Она надменно добавила: — А я как раз девственница.

Шквал новых ощущений удивил и смутил его. Он улыбнулся и молча покачал головой. Шэнь спросила:

– Вы мне не верите? У меня был парень, но я поняла, что он не мужчина моей мечты, и мы расстались.

– А каким должен быть мужчина твоей мечты?

– Таким, как вы, – твердо ответила Шэнь. – Вы произвели на меня сильное впечатление. Я много езжу с группами и сразу вижу, кто какой человек. Вы не такой, как все, я чувствую, что вы очень хороший. Разумеется, это все самообман. Если вам кажется, что у нас может получиться, позвоните мне завтра, а если звонка не будет, значит, я вас больше не увижу, – тараторила девушка. – Вот еще что, мой отец рано умер, мама работает в тюрьме, она глубоко верующая христианка, ах, вот еще что важно, если вы хотите просто поразвлечься, не звоните, я хочу серьезных отношений, чтобы выйти замуж.

Назавтра с визитом приехал коллега – начальник из департамента, Цзянь Фанпину пришлось весь день его принимать. Чем выше начальство, тем сложнее принимающей стороне. Чиновники такого уровня чего только не видели! Нужно не просто радушно встречать его, а придумать что-то особенное, показать уровень и класс. Начальник Чжун говорил, что подобные приемы – это тоже работа, вроде как в конце года можно добавить их к ВВП. Сначала надо обеспечить для высокого гостя гостиницу, потом вместе с начальником их канцелярии спланировать следующий день. Цзянь Фанпин пробежал до полуночи. Начальник остановился в ведомственной гостинице за городом, где обычно размещают высокое начальство. Рядом находилась загородная вилла, в которой останавливался один великий деятель, там никто не осмеливался жить, все ходят как на экскурсию. Цзянь Фан-

пин слегка выпил и вышел прогуляться на лужайку. Лужайка была пугающе огромная, днем здесь играли в гольф, поэтому под ноги то и дело попадались улетевшие мячики. Эти мячики, словно зажмуренные маленькие глазки, прятались в траве. Вдалеке виднелась вилла, которую отгрохали для выдающегося деятеля, у входа висела медная табличка, на которой значилось: в таком-то году с такого-то до такого-то числа здесь жил, трудился и встречался с партийными работниками такой-то. Фанпин, глядя на виллу в свете прожекторов, внезапно вспомнил, что что-то не сделал, думал-думал и наконец вспомнил про Шэнь. Звонить или нет? Ха! Или же сообщение отправить?

Он достал мобильник. Еще пять минут можно подумать. Скоро полночь. Все-таки он решил позвонить, но, как ни странно, никто не ответил. Цзянь Фанпин расстроился и позвонил еще раз, потом еще и еще, но увы. Тогда он решил попробовать в последний раз, – если никто не ответит, значит, так тому и быть. Он уже несколько раз, прослушал песню Чжоу Цзелуня¹⁵ «Фарфор Цинхуа»¹⁶:

Серость, сырость и туман,
Но я жду тебя...

Конечно, молодой девушке нравится Чжоу Цзелунь, но

---

¹⁵ Чжоу Цзелуня – известный тайваньский музыкант.

¹⁶ Фарфор Цинхуа – китайский белый фарфор с подглазурной росписью кобальтом.

ему всегда казалось, что у Чжоу проблемы с дикцией, ему не хватает мастерства. А может, это уже конфликт поколений? Сегодня он терпеливо раз за разом слушал песню, пока не прочувствовал ее. Надо признать, все-таки Чжоу Цзелунь поет неплохо, даже какие-то мысли в песне есть, жаль только, никто не отвечает. Цзянь Фанпин собрался вернуться в номер и лечь, но когда нажал на кнопку, неподалеку от него вдруг умолк какой-то звук, напоминавший звонок мобильного. Он оглянулся и увидел, что на него как-то подозрительно смотрит охранник у ворот, а за воротами кто-то стоит и тоже смотрит на него.

В этот момент Цзянь Фанпин вдруг почувствовал, что дикий зверь, притаившийся в его сердце, открыл глаза, словно бы говоря: «Я проснулся, я готов к приходу весны». Вроде бы сорокалетний мужчина, у которого было столько женщин, не должен так волноваться, не должен так поступать, но он широкими шагами вышел за ворота и вытащил неизвестного из тени. Это действительно оказалась она.

– Ты давно тут стоишь?

– Я позвонила вам на работу, сказали, что вы принимаете высокого гостя, я обзвонила все гостиницы и выяснила, что вы здесь.

– А почему не отвечала?

– Боялась, что вы это несерьезно.

– А если бы я тебя не заметил?

У девушки потекли слезы, но она, смеясь, помотала голо-

вой:

– Я специально звонок мобильного включила на полную громкость, вы бы обязательно услышали.

– Как тебя зовут-то? – Цзянь Фанпину было немного неловко спрашивать. – Я только фамилию знаю.

– Шэнь Ина, но учтите, если еще раз спросите, то я вас не прощу.

Он узнал, сколько лет Шэнь Ина, и встревожился: ей только что исполнилось двадцать четыре, как раз был год ее знака¹⁷, у них была разница в пятнадцать лет. Он встречался с девушками и помоложе; когда его спрашивали, как ощущения, он со вздохом говорил, что испытывает угрызения совести. Разница в пять лет — это люди одного поколения, но их-то разделяет целая эпоха. В его возрасте, встречая такую девушку, надо еще все взвесить, продумать пути отступления, пусть даже перед ним небожительница, спустившаяся с небес, пусть даже самая оригинальная девушка из всех. Очевидно, что большая разница в возрасте – это куча проблем: разные системы ценностей, отношение к счастью, интересы, идеи и даже секс. Как только сделаешь выбор, эти вопросы начнут всплывать на поверхность. Зрелый мужчина должен все обдумать и все заранее спланировать. Только тогда можно со спокойной душой наслаждаться отношениями. Сначала он решил, что девушка запала на его положение,

---

¹⁷ Год рождения человека по 12-летнему циклу.

власть и хорошую жизнь. Обычное дело. Но когда они пообщались немного, он с удивлением обнаружил, что ее материальные потребности невысоки. Взять, например, внешний вид: она с упоением пересказывала ему посты из Интернета, как с помощью дешевой косметики добиться первоклассного результата, с удовольствием покупала в Интернете дешевую одежду, хотя с первого взгляда было понятно, что это подделки под известные бренды. Она постоянно жаловалась на нехватку денег, но тратила немного, когда он спросил, то узнал, что она их копит. Что касается секса, она была убеждена, что надо блюсти себя до свадьбы, и проявляла упрямство. Девушка сообщила, что мама у нее христианка, и она тоже, а христиане до брака хранят девственность. У нее не было друзей, свободное время она проводила в одиночестве. Цзянь Фанпин не мог во все это поверить, учитывая характер ее работы. В итоге он подарил ей ноутбук, в который поставил программку, фиксирующую все введенные данные. Через месяц он под предлогом, что у него компьютер сломался, забрал ее ноутбук, возился с ним всю ночь, но так и не обнаружил ничего компрометирующего. Ее уровень компьютерной грамотности был невысок, если за месяц нет ничего подозрительного, значит, можно не сомневаться. Короче говоря, она отличалась от девушек своего возраста. Это его заинтриговало. Цзянь Фанпин подумал: если она притворяется, то уж слишком хорошо. Какой молодой девушке хватит терпения так долго разыгрывать спектакль? Он, конечно,

очень привлекательный мужчина, но есть и более привлекательные. Если она захочет, то можно за меньшую цену получить куда больше.

Пришла и пора страстной любви, каждый вечер, приходя с работы, как бы он ни устал, но слал ей СМС и спрашивал, в какой ресторан сводить ее поужинать. Шэнь Ина отвечала одно и то же: «Сам решай». Цзянь Фанпин всегда говорил, что только что звонил в справочную 114 и там сказали, что ресторана с таким названием нет. Когда взрослые мужчины пускают в ход юмор, молоденьким девушкам сложно сопротивляться, у Шэнь Ина, похоже, отсутствовал иммунитет к таким шуткам. Им нравилось одно место за городом, база отдыха, где можно было самим кормить кур, уток, собирать свежие овощи и фрукты прямо с грядок. Шэнь Ина с интересом разглядывала те овощи, которые росли без грунта, просто в воде, так что видны были корни. Он объяснил, что эти культуры не требуют грунта. Она покачала головой, сказав, что лучше бы им расти в земле, ведь нельзя же, чтобы все видели твой жизненный корень? Он сально рассмеялся и сказал, мол, мой-то жизненный корень так спрятан, что ты и не видела. Шэнь Ина вытаращила глаза, а потом поняла, на что он намекает, покраснела и принялась в шутку колотить его.

Они разговаривали о своем прошлом. Разумеется, Цзянь Фанпин многое утаивал, рассказал ей только о развалившемся браке и нескольких неудачных романах, включая и ту женщину – доктора наук. Шэнь Ина верила почти всему, что

Цзянь Фанпин рассказывал, даже явному обману верила, ей не казалось, что слишком уж мало получается у него романов, она даже сказала:

– Ты обычно так занят, еще и время на романы выкраивал?

Эта вера его смущала. Ее история была совсем простой. После окончания университета за ней ухаживал парень с того же факультета, они несколько месяцев встречались, а потом расстались из-за того, что она ни в какую не хотела заниматься сексом, сейчас он работает ассистентом в одном из вузов. Шэнь Ина возмущенно сказала:

– Если без брака заниматься сексом, никогда в рай не попадешь. Неужели вы все мужчины такие, пару раз встретились – и сразу одного надо?

Цзянь Фанпин подумал и согласился, что, пожалуй, это так. Шэнь Ина возразила:

– Но мы ведь с тобой столько месяцев знакомы, почему же от тебя таких предложений я не слышала?

Он развел руками и недоуменно сказал:

– Это же не значит, что я не хочу, просто стесняюсь тебя просить, сдерживаюсь.

Это была правда.

Слух о том, что Цзянь Фанпин завел молоденькую подружку, быстро расползся по организации. Первым его поздравил староста, пригласил их к себе поужинать. Шэнь Ина впервые оказалась на подобной встрече, перед тем как пой-

ти, очень радовалась, а потом не могла скрыть разочарования. Очень уж большой показалась разница. Хотя супруга старосты и была образованной, но свысока обсуждала темы, в которых девушка не разбиралась: мода, духи, предметы роскоши, вопросы воспитания детей. Шэнь Ина оставалось только внимательно слушать и поддакивать. Но на жену старосты Шэнь Ина произвела хорошее впечатление, после этого вечера она сказала:

– Девушка необычная, такие редко встречаются, ты ее береги.

Цзянь Фанпин потихоньку спросил у нее, как там Ячжу живет за границей? Нормально у них все с ее подружкой? У супруги старосты покраснели глаза, она ничего не сказала, только покачала головой.

В Рождество Цзянь Фанпин заявился к Шэнь Ина на работу, долго ждал, когда девушка наконец спустится. Судя по виду, она недавно плакала. Он осторожно спросил, в чем дело, она бросилась к нему на грудь и разрыдалась. Оказалась, один из клиентов переметнулся к конкурентам, ей за это попало от начальства.

– Большая группа в пятьдесят человек... сначала сказали, что все согласны, но конкуренты пообещали с ними отправить молодую красивую девушку, PR-менеджера, и в итоге уговори-и-и-или-и-и....

Она выплакалась и принялась жаловаться. У мужчин в возрасте большое преимущество перед желторотыми юнца-

ми – терпение. Цзянь Фанпин спокойно гладил ее волосы, спокойно слушал, иногда вставлял пару фраз:

– Тебе надо приодеться и накраситься, заведев мою девочку, все солидные мужики просто штабелями повалятся. — Или утешал: — Ну, я тоже знаю много женских хитростей, девушки, с которыми я встречался, после моего курса юной барышни уж не знаю скольким парням головы вскружили.

После каждого такого замечания Шэнь Ина смеялась сквозь слезы, и настроение ее улучшалось. Как там поет Ван Фэй? «Ты рад, и мне весело». Поэтому он тоже радовался. А минуты радости для него были связаны с красным вином. Шэнь Ина изучала гостиничный бизнес, поэтому кое-какие зачаточные знания у нее имелись, ее легко было обучить. Она полюбила проводить время за бокалом красного вина и научилась различать вина. Когда Цзянь Фанпина не было рядом, девушка наливала себе бокальчик, внимательно рассматривала, осторожно пробовала. Но в ее случае одна бутылка красного вина растягивалась на целую вечность, одной бутылки ей хватало на месяц. Он спросил, почему так, девушка ответила:

– Слишком дорого, дороже золота. – Увидев, что он не понимает, она объяснила: — Вино надо пить вдвоем, когда тебя нет, я выпью чуток и сразу глаза на мокром месте, а потом начинаю скучать по тебе.

Если встречаешься с молодой девушкой, то, разумеется, и проблемы есть. Он сразу после университета стал работать

в государственной структуре, в молодости ему недоставало романтичности, а с возрастом, когда прошло время и изменилась ситуация, он знал, что такое романтика, но предпочитал притворяться, что не знает. Молодые люди полны энергии и сил, можно по велению сердца делать глупости, но с возрастом, когда столько уже повидал, потребности в романтике нет. Как назло, он чиновник средней руки, наверху – начальство, внизу – подчиненные, романтика как-то не к лицу, поэтому подсознательно лучше от нее абстрагироваться. И хотя романтические порывы Цзянь Фанпина и были незатейливы, он был полон мудрости и уверенности в себе, как все взрослые мужчины. В День Святого Валентина он преподнес ей три бутылки итальянского вина «Брунелло ди Мон-тальчино», сказав, что эти три бутылки символизируют три важных слова. Она, естественно, подумала про «Я тебя люблю», покраснела и произнесла их. Он покачал головой и сказал:

– Нет, не «Я люблю тебя», а «Мы с тобой». Влюбленные не всегда остаются вместе, поэтому нужно не только любить друг друга, но и быть вместе. «Брунелло» – хорошее вино, цвет такой глубокий, как у граната, с ароматом ежевики.

Лицо девушки светилось счастьем, а аромат, который от нее исходил, пьянил даже сильнее, чем вино. «Мужчинам в возрасте тоже не чужда романтика», — подумал Цзянь Фанпин. Выйдя из ресторана, он сообщил, что приглашает ее на концерт, выехал за город, открыл окна, впуская в салон звездное небо. Зазвучала музыка, а затем – его голос.

Цзянь Фанпин записал ей две песни – «Right Here Waiting»¹⁸ и «As Long As You Love Me»¹⁹. Одна песня медленная, вторая быстрая, одна как прикосновение, вторая как страстный поцелуй. Шэнь Ина готова была сдаться. Цзянь Фанпин не стал разрушать романтическую атмосферу. Они просто обнялись, поцеловались и горячо объяснились друг другу в любви. Шэнь Ина сказала:

– Я о тебе думаю.

Он звонко рассмеялся:

– Вот он я, рядом с тобой.

Она покачала головой:

– Чем дольше ты рядом со мной, тем больше я о тебе думаю. Мы ведь друг другу подходим, да?

Ему тоже так казалось. С ней все по-другому. В ярком огне любви сторели все проблемы. Но ведь Шэнь Ина никогда не бывала у него дома, знала только, что Цзянь Фанпин разведен, воспитывает сына. А он знал лишь, что у нее набожная мать, которая работает начальником департамента исправительных учреждений, а отца давно уже нет на свете. Но рядом с их любовью все это меркло. Важно было лишь то, что оба они одиноки и их отношения дают им чувство защищенности. Он пошутил:

– Ну, со мной хоть на людях не стыдно показаться.

Когда молоденькая девочка бултыхается в любовной реке,

---

¹⁸ «Я буду ждать тебя» (англ.)

¹⁹ «Пока ты меня любишь» (англ.)

коэффициент ее умственного развития обычно резко падает, в случае с Шэнь Ина упали ее показатели на работе. Цзянь Фанпин, конечно, мог бы организовать ей несколько групп, но она категорически отказалась и готова была терпеть то, что ее разжаловали из заместителя начальника в главного менеджера, а потом и в турагента. Причина проста. В фирме все знали, что у нее влиятельный бойфренд, но она не хотела, чтобы о ней злословили, мол, заказы достаются ей за смазливое личико. Она сказала Цзянь Фанпину:

– Если в родном городе пойдет обо мне дурная слава, то мне вовек замуж не выйти.

– А что, есть за кого выйти? – серьезно спросил он.

– Да дело не в этом. Я просто хочу сама себя обеспечить, – призналась она, стиснув зубы.

В итоге Шэнь Ина со своей щепетильностью и вовсе потеряла работу. Цзянь Фанпин сидел на собрании партийной ячейки департамента, когда увидел, что она звонит, но трубку не взял. Начальников бюро не так часто приглашали на подобное мероприятие, каждое собрание – это шанс себя проявить, и он прекрасно это понимал. В этот раз речь шла о крупном проекте. Начальник Чжун еще не выступал, свое мнение высказали семь-восемь членов партийной ячейки. Все пропитано духом демократии. Но в конце кто-то должен все подытожить. Начальник Чжун откашлялся и сказал:

– Товарищ Цзянь, прошу вас высказать свои соображения, когда присутствуешь на собрании, нельзя только слу-

шать и молчать, как диктофон.

Цзянь Фанпин обомлел, в спешке выключил мобильник, а потом осторожно высказал свое «некомпетентное суждение», смутно представляя, какого мнения придерживается начальник Чжун:

—Для начала, раз уж мы подчиненная организация, то какое бы решение ни приняла партийная ячейка, мы должны строго ему следовать и работать в полную силу. Во-вторых...

Он в общем-то пересказывал все то, что слышал от начальника Чжуна в командировках, на собраниях и составляя различные материалы. Ишака, давно впряженного в телегу, уже не нужно бить кнутом, одного только покашливания достаточно, чтобы ишак понял, идти ему или остановиться. А если не нужно подгонять ишака, то возница экономит силы ко всеобщему удовольствию. Потом заключительное слово сказал начальник Чжун, а Цзянь Фанпин записывал за ним, и перо летало, как птица, а на сердце словно бы цветы расцвели пышным цветом. После собрания пришлось весь вечер готовить протокол, чтобы передать вышестоящему руководству. В итоге Цзянь Фанпин и несколько секретарей засиделись до одиннадцати, и готовый протокол лег на стол начальника Чжуна. Если бы Цзянь Фанпин встречался с другой девушкой, то определенно пригласил бы коллег расслабиться, но он встречался с Шэнь Ина. Он велел коллегам сходить куда-нибудь отдохнуть, а сам поспешно откланялся. Девушка, которую он оставил на весь вечер в одиночестве, заливала

печаль красным вином, при виде Цзянь Фанпина она разрыдалась, испачкав слезами и соплями его костюм. Он с любовью посмотрел на нее и сказал:

– А может, совсем бросишь работу? Я смогу тебя содержать.

– Ты не первый мне это предлагаешь, хотя только от тебя мне это приятно услышать.

Цзянь Фанпин решил устроить ее работать в подотчетную департаменту организацию. Директор замялся:

– Хорошая девушка, но у нас проблема со штатным расписанием.

Цзянь Фанпин обратился в кадровый отдел к однокласснику, вместе с которым ходил в партийную школу. Они выпили и поели, обсудили проблему со штатным расписанием. Одноклассник посмотрел на резюме Шэнь Ина, потом смерил его взглядом и вдруг рассмеялся:

– Хорошо. Я так погляжу, песенка про холостяцкую жизнь нашего бриллиантового холостяка спета.

Но Цзянь Фанпин был серьезен:

– Хватит шутить, ты скажи мне, это трудно?

Одноклассник опять рассмеялся:

– Это ты мне скажи, кто такая, если со стороны человек, то очень сложно пристроить, а если своя, то тоже сложно, но можно.

Со штатным расписанием все быстро уладилось, и Шэнь Ина с неохотой вышла на работу. Работала она в канцелярии,

набирала тексты, отправляла документы. После первого рабочего дня они решили отпраздновать это событие, открыли бутылочку испанского вина «Масуэло» из региона Риохи. Ужинали дома у Шэнь Ина. Цзянь Фанпин сам все приготовил, чтобы девушка, рожденная в восьмидесятые, увидела, как готовит мужчина, рожденный в шестидесятые. Тут надо отдать должное Ду Сюаньвэй: после развода некоторое время готовить было некому, тогда-то он и научился. Вот уж не думал, что это станет сейчас его козырной картой. Они поужинали и, сидя на диване, болтали и пили вино. Цзянь Фанпин спросил, как ощущения после первого дня на новом месте. Девушка ответила со вздохом:

– Да это деградация какая-то, весь день сидишь без дела. Даже задумалась о замужестве.

– Правда что ли?

– А что же мне, старой девой, что ли, оставаться?

– Тогда я тебе расскажу, что у меня дома.

Раньше он в общих чертах уже рассказывал, но обходил стратегически важные моменты. А ведь это как с мужским организмом, жизненно важные органы нельзя всем без разбору показывать. Как только показал, обратной дороги нет. Взрослый мужчина должен бы знать, что это небезопасно, но сейчас Цзянь Фанпину показалось, что пришло время.

– Я хочу после свадьбы так и жить с родителями и ребенком. Родители уже старые, сын маленький, обо всех нужно позаботиться. – Он испытывал смутное беспокойство, но

все-таки произнес это вслух. На самом деле это его подноготная. У мужчин старшего возраста тут все очень просто.

– Заботиться о стариках необходимо, но ребенок... – Девушка замялась. – Я сама еще не повзрослела, справлюсь ли я с ролью матери? Смогу ли нормально воспитать ребенка? И еще, я его старше всего на десять лет, он будет меня называть сестрой или мамой?

– Разумеется, мамой! Да и старики нам помогут! О чем ты беспокоишься?

Цзянь Фанпин смотрел на нее, внимательно изучал ее, словно вино «Масуэло» в своем бокале. Она замешкалась, а потом, наклонив голову, сказала:

– Хорошо, я книжки почитаю, постараюсь стать хорошей мамой, все равно на работе делать особо нечего.

– А твоя мать? Что она думает по этому поводу?

Девушка понурилась и какое-то время не отвечала. Цзянь Фанпину очень хотелось узнать, о чем она думает, но он удержался от вопросов. Фотографию матери Шэнь он уже видел, женщина была всего на пять лет старше него и не выглядела старой. Цзянь Фанпина это несколько беспокоило. Каждый раз, когда девушка звонила матери, та спрашивала, молится ли она каждый день, перед сном крестилась ли, читала ли «Отче наш» и молитву Богородице, иногда заставляла прямо по телефону цитировать Священное Писание, проверяла, как уроки. Цзянь Фанпин после нескольких таких бесед даже нашел Библию, полистал и решил, что она

для него слишком толстая, взял книжку потоньше, «Библейские сюжеты». Когда дошел до того, что надо «возлюбить и ближнего своего, и врага своего», то слегка успокоился, а прочитав рассказ о Вавилонской башне, снова впал в уныние. Люди смогли построить башню до самого неба, но Господу это не понравилось, потому Он сделал так, что люди заговорили на разных языках и разбрелись по всей земле. Цзянь Фанпин подумал, что людей разделяют не только языковые барьеры, но и разница в укладе жизни. Мать Шэнь всю жизнь работала в исправительных учреждениях и вдовствовала двадцать лет, она такая же, как и обычные люди? Если так, хорошо, нормальная мать его не отвергла бы. Но что если она не обычная? Могут ли найтись какие-то доводы?

Наконец Шэнь Ина заговорила:

– Я ей о тебе рассказывала, она, судя по всему, не очень рада. Снова и снова говорит, что главное жить честно, не обязательно быть сильным мира сего.

–Твоя мама меня переоценивает, — рассмеялся Цзянь Фанпин.— Куда мне до «сильных мира сего»! А еще что она говорит?

– Спрашивала, сколько тебе лет. Я сказала, что скоро сорок. Потом спросила о твоей должности, я ответила, что ты начальник бюро, но скоро пойдешь на повышение.

Цзянь Фанпин самодовольно рассмеялся – это же как раз его сильная сторона при общении с женщинами.

– Но ведь не может быть, чтобы мама не разрешила тебе

выйти за меня только потому, что я чиновник? Успокойся, я честный человек, в материальном плане проблем никаких, образ жизни вообще безупречный.

При этом он не чувствовал себя обманщиком. Шэнь Ина стала серьезной:

– Мама всю жизнь проработала в исправительных учреждениях, она с первого взгляда может сказать, хороший ты человек или плохой.

Цзянь Фанпин поднял руки вверх, дескать, сдаюсь:

– Хорошо, как скажешь, тогда поскорее приглашай ее в гости, но не забудь принести зеркало, отпугивающее злых духов²⁰.

Шэнь Ина захихикала, а потом ласково сказала:

– Ну что ты так беспокоишься? Я у мамы единственная дочка, она не будет препятствовать моему счастью.

Вино было крепким, а румянец на щеках девушки опьянял еще больше. Остальное, как говорится, не проблема, думал он. Человек, который отправляется в путь с тяжелой ношей, привыкает к такому темпу и к такой поступи. Стоит чуть облегчить ношу, и он уже не сможет идти – ноги слишком легкие, и на душе тоже очень легко. Жаль, что музыки нет, лучше всего что-то из «Бандари»²¹, она подходит для

---

²⁰ Зеркало, отпугивающее нечистую силу, вешали на спину путнику, которому предстояло идти по горной дороге.

²¹ «Бандари» – швейцарская группа, играющая в стиле нью-эйдж, которая очень популярна в материковом Китае и Тайване.

быстрой езды, ведь сегодня вечером он решил «прокатить» ее.

Цзянь Фанпин прижал девушку к себе, внимательно глядя в глаза. Она вся затрепетала.

– Ты чего? – Она почувствовала в нем перемену.

– Хочу погасить твои глаза, хорошо?

– Нет! – воскликнула она. – Мы же договорились, что все будет после свадьбы, если до свадьбы этим заниматься, то Господь накажет.

Хотя она и сопротивлялась, но только на словах. По ее венам текло вино «Масуэло», руки-ноги обмякли, все вокруг словно бы утонуло в красном вине. Может быть, она так и не поняла, что так нужно. Взрослый мужчина должен проверить последний пункт. Во все ее очарование, изначальную свежесть он верил и дорожил этим, и сегодняшнее обещание по большей степени основывалось на этом. Если девушка пройдет последнюю проверку и на простынях останутся красные пятна, напоминающие брызги красного вина, то он верит ей свое счастье. «Прости меня, – повторял он про себя. — Любовь моя, у любви взрослого мужчины тоже есть условия. Хотя может показаться, что эти условия бесстыдные и пошлые, но они важны».

Шэнь Ина проплакала весь вечер, а на следующий день не отвечала на его звонки и сообщения. Цзянь Фанпин перенес собрание и решил подождать девушку после работы.

Охранник на вахте глянул на его машину и тут же сообщил начальнику канцелярии. Цзянь Фанпин непринужденно сказал, мол, я просто жду Сяо Шэнь. Начальник тут же смекнул, в чем дело, поднялся и велел Шэнь Ина спускаться. Сотрудники во все глаза уставились на девушку. Она позаботилась о репутации Цзяня, поэтому весело запрыгнула в машину, даже умудрилась выдать из себя улыбку и попрощаться с начальником. Цзянь Фанпин, глядя на это, поначалу успокоился. Но как только они добрались до ее квартиры, она забыла о его репутации, не хотела впускать, говорила, что им надо расстаться, потому что она наконец поняла, что Цзянь Фанпин за человек:

– Я-то думала, ты джентльмен, а ты такое же животное! Все вы, мужики, животные!

Цзянь Фанпину стало смешно. Он попытался успокоить ее:

– Хорошо, как скажешь, я и впрямь всего лишь животное.

– Не обижай животных! – надулась она. – Ты даже хуже, чем животное!

Он еще больше развеселился:

– Как скажешь, хуже так хуже.

– Ты муха! Отвратительная муха!

– Хорошо, я муха!

– Нет, даже хуже, ты навозный жук!

У взрослого мужчины хватит терпения на все капризы, жалобы и прихоти. Если он захочет. Цзянь Фанпин, разуме-

ется, хотел. Услышав последние слова, он молча стал теснить девушку в сторону дивана. Она удивленно спросила:

– Ты что творишь вообще?

– Навозный жук делает свою работу.

Выражение лица у Цзянь Фанпина было что ни на есть серьезное, и в эту минуту девушка раскрылась как цветок. Он прижал ее к груди, задышал прямо в ухо, чувствуя, как по ее телу пробегает дрожь волнами. Общеизвестно, что девушка, согласившись один раз, редко когда сопротивляется второй, даже такая, как Ван Ячжу. Но не Шэнь Ина! Она не только на словах, но и на деле объяснила Цзянь Фанпину, что можно целовать, ласкать – все, что угодно, кроме самого главного. Цзянь Фанпин продолжал расстегивать одежду. Она почувствовала, как обнажаются раны на теле, их обдувает ветер, но молча сопротивлялась с утроенной силой. Когда ее ногти впились в его кожу, выступила кровь, напоминающая красное вино. Цзянь Фанпин ослабил хватку и посмотрел на девушку. Она поправила одежду и уткнулась лицом в его грудь:

– Я не хотела, можешь меня больше не жалеть...

Цзянь Фанпин крепко обнял ее, но принуждать не стал. Он, не отрываясь, смотрел на ее глаза, на ее лицо, пока девушка не уснула.

Зазвонил его мобильный. Это был староста. Он хмуро поинтересовался, где находится Цзянь Фанпин. Цзянь Фанпин увильнул от ответа, но староста понял и со вздохом сказал, что Лао Чжана на допрос увезли, и это, возможно, коснется

всех, кто с ним учился.

– Хотел предупредить тебя.

Староста повесил трубку, а у Цзяня все в голове поплыло. Лао Чжан – это его однокашник по партийной школе, тот самый, который заливал «В таком-то районе я все улажу, кроме убийства, хоть ты пьяным за руль сядешь, хоть проституцией займешься, хоть девочку снимешь». Только в прошлом году получить повышение и стать главой района – и так быстро свалиться с кресла?

Шэнь Ина, лежавшая у него на груди, открыла глаза и сонно пробормотала:

– Что случилось?

Цзянь Фанпин выдавил из себя улыбку:

– В департаменте кое-что случилось, нужно съездить, а ты поспи.

Выйдя из квартиры, Цзянь Фанпин позвонил старосте, тот с усмешкой сказал:

– А ты решительный малый, еще не совсем в плену у женских чар.

Цзянь Фанпину было не до шуток, он стал расспрашивать, что произошло с Лао Чжаном. Они проговорили больше часа. Обсудив все, что узнали от однокашников по партийной школе, и рассказав о том, что их самих связывало с Лао Чжаном, пришли к выводу, что не нарушили никаких табу. Только тогда успокоились и закончили разговор. Цзянь Фанпин вздохнул и включил двигатель. Он подумал: «Что ж поде-

лать, если у Лао Чжана язык как помело, не надо было молотить всякий вздор, понятное дело, что рано или поздно его должны были снять с поста».

Вскоре новость о дисциплинарном расследовании попала в прессу, отец, держа в руках газету, словно бесценный клад, ткнул под нос Цзянь Фанпину:

– Извлеки урок! – подытожил: – Я ж тебе говорил, что стреляют по той утке, которая высовывает голову! Так что ты полегче на поворотах!

Цзянь Фанпин небрежно бросил:

– Пап, я все понял, я все делаю, как ты говоришь!

На самом деле мыслями он был далеко, поскольку приехала мать Шэнь, и от ее согласия зависело, сможет ли он в итоге жениться на девушке. А против отцовских нотаций у него давно уже выработался иммунитет.

Мать Шэнь Ина оказалась даже моложе, чем на фото. При встрече он обратился к ней «тетушка», в ответ она рассмеялась:

– Да я не намного старше вас, не надо из меня делать старуху.

Шэнь Ина глуповато хихикнула. Цзянь Фанпин нашелся:

– У вас отличное чувство юмора. Кстати, я уже договорился по поводу ужина. Устроим банкет в вашу честь в отеле «Интерконтиненталь».

Во время первомайских праздников отдельный кабинет в

ресторане «Интерконтиненталья» было очень сложно бронировать, но для Цзянь Фанпина, разумеется, не представляло проблем. Мать Шэнь вошла в кабинет и не садясь, а с суеверным страхом огляделась по сторонам. Цзянь Фанпин сказал:

–Обстановка простенькая, вы уж не обижайтесь.

Женщина ничего не ответила, подняла бокал, посмотрела на свет, потом взяла увесистую ложку, обнюхала, нахмурилась. Тут не выдержала Шэнь Ина:

– Мам, с большим трудом удалось бронировать отдельный кабинет, садись уже!

Мать засмеялась:

– Не так уж простенько, но хоть чистенько? Я не привыкла в отдельных кабинетах есть, пойдемте в общий зал.

Официант в изумлении посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Цзянь Фанпина. Тот виновато улыбнулся и кивнул:

– Тут слишком тесно, в общем зале попросторнее, вот только народу очень много и шумновато. Я пойду закажу столик.

Цвет лица у Цзянь Фанпина стал, как кожура у заплесневелого фрукта, отчего у директора ресторана зашло сердце. Места быстренько нашли, мать Шэнь двинулась прямо к столику и села. Шэнь Ина тоже села, она заметно волновалась. Цзянь Фанпин как ни в чем не бывало заказал еду и выбрал вино, хорошую еду и хорошее вино, «Латур» из французского Бордо. Цвет у вина был темно-красный, содержа-

ние танина высокое, аромат с еле заметной шоколадной ноткой. Шэнь Ина знала, что это вино – король всех вин Бордо, каждая бутылка не дешевле десяти тысяч юаней, расчувствовалась и улыбнулась ему. Цзянь Фанпин невозмутимо налил ее матери чаю. Как только принесли вино, к ним подошел поздороваться его друг. Цзянь Фанпин представил: это Шэнь Ина, это ее мать. Друг сразу понял, что к чему, и вежливо поднял бокал. Мать Шэнь сидела как истукан, потом приподняла бокал и спросила, в какой организации работает друг.

– В таком-то бюро такого-то департамента.

Лицо женщины расплылось в улыбке:

– Ваш начальник департамента Поу как раз у нас. Если захотите навестить его, я могу поспособствовать.

У друга вытянулась физиономия, он сконфуженно засмеялся и отошел. Мать Шэнь холодно улыбнулась и сообщила, что господина Поу приговорили к пятнадцати годам лишения свободы в прошлом году.

– Мам! – Шэнь Ина все-таки не сдержалась.

Женщина тщательно вытерла палочки и сказала тоном таким же твердым, как палочки:

– Я с ним буду разговаривать, хочешь послушать – седи, не хочешь – иди. Тебе слова никто не дает.

–Ина, сходи в машину за сигаретами, а я пока с тетушкой поболтаю.

Цзянь Фанпин почувствовал, будто кто-то в одну руку

взял молоток, в другую гвоздь и ищет на его затылке подходящее место. Его продуманный план провалился, и он хотел только, чтобы ужин поскорее закончился. Шэнь Ина закусила губу, взяла ключи и ушла.

Ее мать отложила палочки и заявила:

– Господин Цзянь, я привыкла говорить прямо, вы уж не обижайтесь, но я против вашего брака с Наной.

Цзянь Фанпин подумал немного, потом с горькой усмешкой сказал:

– Почему?

В этот момент она напомнила ему актрису Цай Мин, звезду короткометражек.

– Если не хотите, чтобы мы жили с родителями, я куплю рядом еще одну квартиру, чтобы можно было заботиться о стариках, но при этом и жить они нам не будут мешать. А сын... может жить на два дома, конечно, с нами чуть подольше...

– Я не про это. Заботиться о стариках – это священный долг, ребенок – ваша плоть и кровь, и неважно, на ком вы женитесь.

– Тогда в чем дело? – Цзянь Фанпин окончательно растерялся. Он уже вывернул перед этой теткой всю душу наизнанку.

Госпожа Шэнь вытасила сигарету. Цзянь Фанпин тут же вытянулся в струнку, поднес зажигалку. В его душе эта женщина уже заняла то же положение, что и начальство, а зна-

чит, нужно было оказывать ей всяческие знаки уважения.

Она выпустила струйку дыма.

– Вы ведь знаете, чем я занимаюсь? Я начальник отдела исправительного образования, в тюрьме отработала двадцать лет. А какие к нам люди попадают, вы должны знать. Все высшие чины.

– Не совсем понимаю, к чему вы клоните. – Цзянь Фанпин тоже закурил. Сигарета в его руке слегка подрагивала.

– Я слишком много общаюсь с коррупционерами. Когда они к нам попадают, то строчат письма во все инстанции, активно занимаются спортом, постоянно принимают посетителей и полны веры. Но через год они ломаются. Кончают жизнь самоубийством, сходят с ума, объявляют голодовку. Я всякого понасмотрелась. Сначала их навещают жены и дети, но постепенно визиты сменяются письмами, а потом и письма им перестают писать, и в итоге по почте приходит копия свидетельства о расторжении брака. Вы понимаете, о чем я? В этом году вам сорок лет. Нана сказала, что вам прочат скорое повышение до замначальника департамента, вы поднимаетесь по карьерной лестнице очень быстро. Но я видела и тех, кто поднимался быстрее, а потом наломал дров и сам себя укусил за запястье, как младенец. Так случилось с начальником департамента Поу. Вы, наверное, не понимаете, каким хорошим был первый парень Наны. В университете преподает, работа стабильная. Очень жаль.

– Я-то про него не знаю, но все равно не понимаю вас, –

сказал Цзянь Фанпин и подумал: «Интересно, а ты-то когда стала третьей в их отношениях?»

– Нана воспитана в старых традициях – если замуж, то на всю жизнь. А вы? Сегодня тут в грудь себя бьете, а сами демонстрируете свои пороки. Уверены, что к нам не попадете? – Ее взгляд впивался в кожу лица, словно игла швейной машинки. — Думаете, нет? А вот возьмем это красное вино. На вашу зарплату можно себе такое позволить? Да и оглянитесь вокруг, многие ли вытаскивают деньги, чтобы расплатиться? Много ли тут чистых на руку? Такие, как вы, те, кто пережил успех после череды неудач, редко справляются с бременем успеха. Если ничего не произойдет, замечательно, а если произойдет? Вы не обижайтесь на меня за неприятные слова, я просто много повидала и боюсь. Честно говоря, мне плевать, сколько вам лет, ничего, что к вам прилагаются родители и ребенок, главное, чтобы всю жизнь провели с Наной. Я не хочу для дочери почестей и богатства, чтобы все вокруг завидовали, хочу лишь, чтобы она жила себе спокойно до старости со своим мужем, пусть он будет внимательным и заботливым, и этого довольно. Я прекрасно понимаю, что если вы загремите в тюрьму, то Нана вас не бросит, как бы тяжело ей ни было, она на такое не способна. Но я ее мать, я не могу позволить ей рисковать.

Кругом все галдели, люди, отмечавшие праздник, радовались, то и дело раздавались взрывы хохота. Цзянь Фанпину подумалось: «Разве же это знакомство, это настоящий суд!»

А вокруг зрители, все смотрят на него. Смотрят, как он осторожничают, как лавирует, как терпит полное фиаско, лишенный возможности хоть как-то себя защитить.

– В общих чертах я вас понял, – Цзянь Фанпин покивал, – но подобные доводы слышу в первый раз. По вашей логике, все чиновники попадут в тюрьму? Все, кто пьет красное вино, сразу коррупционеры? А выйти за чиновника замуж – риск? Но это вовсе не так.

– Да я знаю, что нет ничего страшного в том, чтобы выпить и закусить, но все, кто к нам попал, с этого и начинали. Я занимаюсь исправительными работами, а потому в курсе, кто и что натворил, как натворил и как все раскрылось. Возвращаясь к сказанному, я не испытываю к вам неприязни и, разумеется, не желаю вам попасть в тюрьму. Но вдруг такое произойдет? Чтобы смягчить наказание, мы во все отделы рассылаем брошюры с отрицательными примерами, читаем лекции, чтобы люди учились на чужих ошибках. А если бы у вас была дочь и внук, которые, возможно, потом всю жизнь не смогли бы на людях голову поднять и спину распрямить? Вы бы не пожалели?

Женщина затушила сигарету, достала визитную карточку и положила ее на стол:

– Это телефон ректора университета госпожи Цуй, мы с ней вместе учились. Если вы действительно любите Нану, уходите со своего поста и устраивайтесь в университет, в таком случае я согласна на ваш брак.

Цзянь Фанпин достал еще сигарету и зажег от окурка. Он смотрел на вино в бокале и не знал, что сказать. Женщина снова закурила:

– Что? Жалко все бросить?

Цзянь Фанпин медленно выпустил дым и медленно сказал:

– Можно я скажу пару слов?

– Конечно. У преступников есть право на последнее слово.

– Если я сейчас все брошу и уйду из департамента, то десять с лишним лет образования и десять с лишним лет работы вылетят в трубу. Но дело даже не в этом. Я пригласил вас в пятизвездочный отель поужинать, вино за десять с лишним тысяч и новое место Наны – все это результат моей работы. Хорошо, отбросим и это. Поговорим о Нане. Если бы я не был начальником бюро, а был бы простым служащим, то мы вообще не встретились бы. И это давайте вычеркнем. Мне скоро сорок, если я уйду с работы и женюсь на Нане, отказавшись от своего прошлого, то что я буду делать? Буду ли я счастлив? Готов поклясться, стоит мне уйти из департамента, как и Нана очень быстро потеряет работу. У меня нищенская зарплата, а Нана и вовсе безработная. Вы нас кормить будете?

Женщина затянулась и произнесла:

– Главное – умеренность, я же в одиночку как-то дочь вырастила.

Цзянь Фанпин хотел выругаться, но тут подошла Шэнь Ина, издали было видно, что у нее красные глаза, явно плакала. Он ей улыбнулся, а ее матери, с трудом сдерживаясь, сказал:

– Вот что, мне нужно хорошенько все обдумать. – Он слегка задышался.

Женщина с подозрением посмотрела на него, а потом голос вдруг сделался ласковым, она вздохнула:

– Нана хорошо жила последние годы. Я ее мама. Я ее спасаю и вас спасаю.

Как бы то ни было, мать Шэнь все-таки дала Цзянь Фанпину последний шанс. Когда он звонил в последующие три дня, то всегда слышал, как Шэнь Ина яростно спорит с матерью, поэтому решил больше пока не звонить. Он убедил себя, что должен верить: она все-таки отвоюет себе это право. Если не сможет, тогда все его попытки бесполезны. Он написал девушке СМС и отправил. Внезапно почувствовал себя совершенно беспомощным, когда взрослый мужик чувствует себя беспомощным, в этом есть что-то жалкое. Шэнь Ина прислала очень простой ответ: «Верь мне».

На третий день она позвонила ему и попросила о встрече. Он начал:

– Мне есть что тебе сказать.

– Сам решай.

– Я звонил в справочную, сказали, ресторана с таким на-

званием нет.

Шэнь Ина расплакалась. У них раньше все было так хорошо, так замечательно. Он вздохнул:

– Подожди, я сейчас за тобой приеду.

Цзянь Фанпин забрал ее, как только она уселась, сразу нажал на газ. Он хотел отвезти ее на загородную базу за двести километров от города. Там нельзя уже было списать все расходы на департамент, но зато это было далеко, возвращаться два с лишним часа. Если она не договорилась с матерью, если надежды нет, то как минимум у него будет два с лишним часа обратной дороги, чтобы в последний раз попытаться убедить ее. Он подумал: «Взрослый мужик, и на такие расчеты идет из-за любви! Кто бы остался равнодушным?»

Был будний день, на базе отдыха было безлюдно. Во всем ресторане только они вдвоем. Вокруг высились горы, внизу шумела вода, а на столе стояло красное вино. Итальянское «Брунелло». То самое, которое он пустил в ход в День всех влюбленных. Они открыли бутылку. Цзянь Фанпин сказал:

– Европейцы считают, что вино – это Христова кровь, но мне кажется, если бы Господь умел плакать, то слезы были бы красного цвета.

Шэнь Ина заплакала. Он ее успокаивал, но на душе было грустно и в носу было щекотно. Нежели он тоже плачет? Нет, взрослые мужчины не плачут. Но то, что они не плачут, не значит, что они не умеют плакать. На самом деле он тоже уже ронял слезы.

Они так и не притронулись к еде. Обратная дорога показалась очень долгой. Они мало разговаривали и думали каждый о своем. Цзянь Фанпин решил: «Что ж, подождем». После развода он только и делал, что ждал. Встретил одну девушку, бросил ее, встретил другую и снова бросил. Когда собирался остановиться, встретил ту, которая бросила его. Любопытно. По радио зазвучала песня, последняя строка была такой: «Если хочешь вечной любви, нужно смелым быть». Хорошо сказано. Цзянь Фанпин, смакуя фразу, подумал: «А сколько смелости надо, чтобы твоя любовь длилась вечно?» Он считал себя достаточно смелым, даже пообещал, что сможет разъехаться с родителями, а вот бросить свой пост не мог. Правда не мог. У Шэнь Ина вдруг заблестели глаза.

– А что, если так? Ты меня отвезешь в какой-нибудь отель, сделаем ребеночка, тогда мама наверняка согласится!

Он не ответил. Девушка смотрела на его лицо, блестящее от слез, чистых, как слезы ребенка. Она заплакала и потянула его за рукав:

– Не плачь, ладно? Ладно? Когда взрослый мужчина плачет – это такое неприятное зрелище. Правда. Подожди меня. Я сумею договориться с мамой, хорошо?

Он смотрел прямо перед собой.

– Хорошо. Я тебя подожду. Я буду ждать до самой смерти.

Тут он и сам растрогался. На самом деле он хотел добавить: «Нужно лишь...» Но что нужно? Взрослый мужчина, который разбирается в красном вине и живет на широкую

ногу, которому симпатизируют девушки и женщины. Если у него все это отнять, то он обесценится. Но он понимал, что не может обесцениться, даже принимая во внимание интересы нижней половины тела, надо не забывать об оставшейся половине жизни, о своей оставшейся половине жизни, об оставшейся половине жизни родителей, а ведь есть еще и Вэйвэй.

Мать Шэнь жила у дочери больше месяца, было такое впечатление, что и не собирается уезжать. Шэнь Ина каждый день отчитывалась ему, как идут переговоры, но пока мать тут, они виделись редко. Еще и отец захворал. Лег в больницу, и там выяснилось, что у него инсульт, а матери нужно было еще заботиться о Вэйвэе. Приходилось Цзянь Фанпину днем работать, а ночью дежурить в больнице. Вся ответственность за семью легла на его плечи, поскольку жены у него не было. Через капельницу отцу вводили снотворное, поэтому он быстро засыпал и даже не храпел, как обычно. Цзянь Фанпин смотрел на его лицо и несколько раз порывался проверить, дышит он или уже нет. На душе у него было горько, ведь он сам тоже состарится и будет так же лежать на кровати без движения, а окружающие будут думать, уж не умер ли он. Цзянь Фанпин прикорнул в уголке и уснул. Ему приснилось, будто он голый пес, бегающий туда-сюда. Внезапно ему показалось, что все изменилось – люди стали выше, дома стали выше, и деревья тоже, приходилось задирать голову,

чтобы посмотреть на что-то. Из рта постоянно капала слюна. Людскую речь он не понимал. Бегал он, бегал, все бегал и бегал, у дороги кто-то выкинул остатки еды, Цзянь, виляя хвостом, подскочил и с жадностью принялся есть.

Когда проснулся, позвонили из департамента, сказали, что в правительство провинции срочно нужны материалы, понятно, что у него отец болеет, но волей-неволей придется ехать на работу и всех спасать. Звонил сам начальник Чжун, отказаться было неудобно. Повсюду были пробки, машины еле ползли, обычно Шэнь Ина звонила ему в это время с отчетом, но сегодня почему-то не позвонила. Он проезжал мимо ее дома, не выдержал и притормозил у входа, надеясь: вдруг получится подбросить ее до работы? Издали он увидел, как из дверей вышла ее мать с каким-то парнем, они болтали и смеялись. Цзянь Фанпин сообразил, что это ее бывший молодой человек. Паренек был одет очень просто, на носу красовались очки, а в руках он нес портфель. Цзянь Фанпин увидел, как они мило простились, после чего парень сел в автобус, а мать Шэнь встала в очередь за ютяо. Он медленно достал мобильник и набрал номер девушки. Судя по всему, она что-то ела, поскольку говорила с набитым ртом, спросила, как отец. Он успокоил:

– Намного лучше. Ты что делаешь?

– Мы с мамой завтракаем.

Цзянь Фанпин почувствовал, как у него вспотели ладони. Он взглянул на ее мать из окна машины:

– Да? А что на завтрак?

– Ютяо. Как обычно. Да, еще молоко. А ты поел?

– Поел, приятного вам с мамой аппетита.

Цзянь Фанпин тронулся с места и вклинился в поток транспорта. Он подумал, что для одного дня слишком много событий. В правительство запросили материалы, скорее всего кто-то из руководства приедет с инспекцией, если не с инспекцией, так просто посмотреть. Это для департамента важное событие, которого долго ждали и готовились. Начальник Чжун скоро уйдет, на пенсию или в консультативный совет, но уйдет, сейчас решается, сможет ли он войти в постоянный комитет. Как только начальник Чжун уйдет в отставку, расстановка сил в департаменте изменится и утверждение должности будет зависеть от того, как он сейчас себя проявит. Он много времени тратил на Шэнь, чем вызывал недовольство начальника Чжуна. Но сейчас, похоже, все кончилось, дальше так продолжаться не будет. Ему сорок лет, и он на перепутье, если упустит эту возможность, то еще ждать невесты сколько, он отлично понимал, что нужно расставить приоритеты. Если подумать, то, кроме отца с матерью и сына, на третьем месте у него именно работа. Зажегся зеленый свет. Цзянь Фанпин подумал: «Не позвонить ли однокласснику из секретариата, чтобы поподробнее все разузнать? Он возглавляет канцелярию, вдруг начальник Чжун спросит, у него будет оправдание». Впереди скопилось много машин, то и дело звучали автомобильные гудки, стоял ди-

кий шум, а у него душа радовалась. Если он получит информацию из своих источников, то начальник Чжун сменит гнев на милость и шансы получить должность возрастут. Цзянь Фанпин подумал: «Давай, брат, работай, если сможешь еще на ступеньку подняться, жизнь станет еще лучше».

Перевод Н. Н. Власовой

Чжан Юэжань

Красные туфельки

###

##

Глава 1

После выстрела со лба у нее брызнула кровь. Через пару секунд, решив, что она мертва, он повернулся, чтобы уйти. И тут за спиной зашуршал ковер. Сжав пистолет, он стремительно обернулся. И увидел ее.

Девчущка лет четырех, платьице бледно-финикового цвета, нежные ручонки торчат из него, как корни лотоса. Заливаясь клекочущим птичьим смехом, она ковыляла из дальней комнаты неуклюже, как гусенок, в красных материнских туфлях, они плыли по ковру как лодочки по морской глади. Выстрела она, похоже, ничуть не испугалась, даже голову не подняла. Она была из тех детей, которые погружаются в игру и умеют получать от этого радость.

Она вышла прямо на него. Между ними раскинулось мертвое тело. Со лба еще текла кровь, но кожа быстро остывала. Она не могла не заметить лежащую женщину, не увидеть, как на ней, словно на вытащенном из огня полене, гас-

нут последние искорки жизни. Но девочка вела себя совсем не как обычные дети – ни страха в глазах, ни горестных воплей, она не бросилась к матери, не обхватила, беззвучно всхлипывая. Она не могла не заметить и его самого, и еще дымящийся пистолет, но так и не оторвалась от своего увлекательного занятия и продолжала брести в больших, как лодки, туфлях, нагнувшись вперед. Ступала неустойчиво, казалось, вот-вот упадет. Но ей нравилось, и клекочущий смех звучал не переставая.

Ощувив на себе его взгляд, девочка повернулась и направилась к нему. Смех какой-то неискренний, а туфли волочит, переваливаясь, как пингвин. Он взгляделся в нее. Очень похожа на покойницу мать. У обеих большие удлиненные глаза, высокий лоб. Но она еще маленькая, личико круглое, как яблоко, брови чуть обозначены, мягкие волосы свешиваются на лицо. Платице старое, все в белых пятнах на груди – то ли от сухого молока, то ли от жидкой каши. Кое-где порвано или проношено, концы ниток торчат: судя по всему, мать не очень-то пеклась о ней. Но ее это почти не заботило, никакой обиды за то, что ее оставили одну, и она продолжала брести, непринужденно смеясь. Дошла до лежащей в луже крови матери, с усилием сделала широкий шаг и переступила через нее. Словно не через мать, а через камень на дороге.

От этой картины на душе сделалось невыносимо тягостно. Он, наемный убийца, каких только кровавых сцен не видел, но эта показалась самой жестокой: ничего не соображающая

девчушка переступает через тело матери. Смотреть на это не было сил, а она все брела к нему, улыбаясь, прекрасный цветочек, цветочек, не утративший невинности, еще не познавший житейских бурь. Он вздохнул, рука дрожала, когда он выстрелил ребенку в живот. Девочка брела, постукивая великоватыми туфлями, и когда прозвучал выстрел, застыла на пару секунд и упала навзничь. Туфли соскочили и взлетели, как испугнутые птицы.

Упав, они одна за другой ударились о ее тельце. Из живота струилась кровь, она вскоре замарала и их. Красные туфли стали как живые.

Он облегченно вздохнул: все, конец. Потом повернулся и ушел.

Глава 2

Вновь в этом городе он оказался через шесть лет. Все эти годы, как и прежде, убивал и скрывался. Такая жизнь давно надоела, но бывает, что держаться прежних привычек — лучший способ выжить. Да, убивать уже привык, привык к тому, что неожиданно вспоминались выстрелы и падающие тела, кровь и стоны умирающих. В жизни не осталось других желаний и стремлений, кроме того, чтобы получить задание и выполнить его. Если бы не это, могло возникнуть ощущение, что и не живешь совсем.

Цель возвращения была прежней — убийство. К тому же,

понятно, стрелять нужно было без промаха. Свою задачу он выполнил без сучка и без задоринки. Его обнаружили, но он быстро оторвался от преследователей.

Он долго бежал и уже в пригороде наконец остановился передохнуть. Хватая большими глотками воздух и оглядываясь по сторонам, он обнаружил позади большой двор и много маленьких детей за стальной оградой. Самых разных возрастов, одежонка истрепанная, лица чумазые. Пройдя вдоль ограды, увидел табличку: «Детский дом». Хотя уже догадался, здесь он себя посторонним не чувствовал.

Он вспомнил детские годы. На Новый год ему, как и всем остальным, выпадала редкая возможность надеть все новое, чтобы встречать посетителей. Чтобы кто-то пожелал раскошелиться, нужно было все время улыбаться, беспрестанно кланяться, без конца говорить «спасибо», чтобы вызвать сочувствие и понравиться. Он помнил, как тогда притворялся, чтобы его пожалели, и бывало, получал шоколадку. Но страдал от стыда. Когда ты еще совсем маленький, и приходится вымучивать улыбку, стыд окутывает, как густое облако дыма. Кажется, что ты — запертый в клетке зверек и жертвователи приходят поглазеть на тебя. Он неспешно окинул взглядом ограду детского дома: вот она, железная клетка, и в ней заперты дети. Но им, похоже, это безразлично, вероятно, они вполне довольны съеденной сегодня конфетой. Как это печально! В тринадцать лет он однажды вечером перебрался через невысокую стену и очутился в окружающем детский

дом мире. Сколько радости он испытал тогда – вот она, долгожданная свобода! Казалось, наконец-то он уже человек, а не зверек, которым кто-то командует.

Возможно, из-за детского страха перед теми, кто командует тобой и держит тебя под контролем, он испытывал к ним величайший интерес. А когда сам стал распоряжаться жизнью других, испытал небывалое удовлетворение.

Детский дом, в котором он оказался спустя двадцать лет, совсем не походил на тот, где он провел детские годы, но у них была одна общая черта, словно за эти годы ничего не изменилось. На лицах детей во дворе написан какой-то особенный страх. Они и двигались очень осторожно, и разговаривали негромко, и конфету крепко держали в ладошке *или* соваляли поглубже в карман, чтобы продлить удовольствие. У всех одинаковое застывшее выражение, лишённые блеска глаза, изредка слышится невыносимый, не звонкий, а какой-то каркающий смех.

От всего этого стало тошно, и он собрался уходить. И тут увидел ее. Узнал он ее не сразу, все же шесть лет не видел, а дети растут быстро. В синем с красноватым оттенком мешковатом платье явно не ее размера, видать, донашивает за кем-то. Худющая, болтается в этом платье, как карандаш в стаканчике для кистей. Она сидела на корточках и внимательно наблюдала за воробьем с пораненным крылом. Его, наверное, сбilo вчерашним ливнем, и он лежал, вытянув лапки, на холодной земле. Сидит и внимательно рассматривает

его с серьезным видом, как ученый. Не такая она, как все, вот он и остановил на ней свой взгляд. Ни робости, ни убогости детдомовского ребенка. Вся раскраснелась, в широко раскрытых глазах светится бесстрашие и уверенность. Живая и проворная, сидит на корточках, а сама подрагивает, как маленький механизм. Но больше всего поразило то, что с ее лица не сходит улыбка. Как может вызывать радость попавший в беду воробей? А она знай покачивает головкой с широко раскрытым ртом, будто любителю на небывало яркое цирковое представление.

Он смотрел и смотрел, чувствуя, как в этой чужой девочке бурлит непостижимая жизненная сила, сила буйно растущей травы. Маленькая ручонка ухватила воробья за лапку. Он думал, ей жаль раненую птаху, и никак не ожидал, что она вдруг поднимет ее и вскочит. А она размахнулась да как швырнет его изо всей силы. Тот и пискнуть не успел, как перелетел через ограду и упал в траву совсем близко от него. Взгляд девочки скользнул по дуге, которую воробей прочертил в воздухе, проводив его до самой земли. Она была явно возбуждена, личико заливал яркий румянец.

Он смотрел во все глаза. Туфли на ногах, красные женские туфли ей приходилось волочить, потому что они были слишком велики. И очень старые, с царапинами на когда-то темно-красной поверхности и потертостями, через которые проглядывала кожа. словно горестное, покрытое струпьями лицо.

В душе будто полыхнуло ярко-белым. Он снова взглянул на девочку. Наверное, он не признал бы ее, если бы не выражение лица. Такое же спокойное и безразличное, что и шесть лет назад, когда она перешагивала через свою мать. Да, это она. Она не умерла. Он вдруг ощутил нерушимую связь между собой и этой девочкой. Эта связь накрепко ухватила его, будто вынырнувшая из мрака рука.

И он ушел.

Под вечер он вернулся с двумя большими пакетами еды. Шоколад, печенье, пирожки с фасолью. Пришел как посетитель, чтобы встретиться с детьми. Раздал еду. Они и впрямь, как детдомовцы, которых он помнил с детства, принимали еду смущенно, крепко сжимали в кулачке, но сразу не ели. Он подошел к ней. Ручонки и личико грязные, туфли велики, ножонки в них болтаются, уже стертые, незалеченные как следует, в гноящихся ранках. А ей все нипочем, знай себе улыбается, играет с собственными пальчиками – всё у нее игра. По кусочку сдирает с них вздувшуюся кожу. Будто это не ее пальцы, и она совсем не чувствует боли. Когда он подошел, подняла голову и посмотрела на него. Он взял ее ручонку и положил в грязную ладошку печенину. Она глянула, вроде бы безо всякого интереса. Печенина великовата, сразу не проглотишь. Она жевала ее, наполовину торчащую изо рта, и продолжала, склонив голову, играть с пальчиками. На него больше и не смотрела, словно они хорошо знакомы и видятся каждый день. Он даже засомневался: а вдруг она

помнит его?

Он вдруг схватил ее в охапку и поднял высоко над головой. Просторные туфли тут же слетели, босые ноги задрогали в воздухе. Наверное, он задел место, которое у нее чесалось, и она рассмеялась клекочущим смехом. Печенина вылетела изо рта, стукнув его по голове. Она обратила на это внимание, рассмеялась еще пуще и звонко шлепнула его по голове рукой. Платье развеялось на ветру, из-под него выглядывало девчоночье тело. На животе он увидел шрамик в полцуня²² длиной, давно зажившая рана. Кожа белоснежная, и шрамик ничуть не уродливый, в форме идеальной дуги, словно пухлые, чуть заносчиво надутые девичьи губы. Или упавшее на девичье тело перышко изящной формы. Красота шрамика изумляла. За жизнь он перевидал ран без числа, но никогда не встречал такой прекрасной, как на этом животике. Казалось, это произведение искусства, а он – его творец.

Он держал девочку высоко над головой, а она колотила по ней. Полмесяца назад он побрил голову, отрос только короткий ежик, и удары получались необычайно звонкие. Ей эти звуки очень нравились, и она беспрестанно хохотала. Он кружил девочку, держа за талию, платьице раскрывалось, как зонтик в дождливый день, и он не переставал любоваться шрамом. Наконец высвободил одну руку, потянулся и дотронулся до него. Шрам был гладкий, как срез агата, и было впечатление, что он слегка вздымается и опускается как

---

²² Цунь – мера длины, равная 3,3 см.

морское беспозвоночное.

Он зажмурился. Его охватило ощущение счастья. Широким потоком оно лилось от теплого шрамика, где оставила след холодная пуля. Он вдруг страшно растрогался.

Прошло немало времени, прежде чем он опустил ее на землю. Помог вставить ножки в эти большие туфли. Когда он снова оглядел их, мелькнула мысль, что пятна на них, должно быть – засохшие следы крови. Девочка эти туфли любит, они уже долгие годы ее любимая игрушка.

Он решил взять ее с собой.

И тем же вечером увел ее. Вместе с ней он снова переберется через ограду, вместе с ней снова обретет свободу. Столько всего нахлынуло хорошего, неведомого прежде. Он будто вернулся в свои тринадцать лет. Ограду перемахнул легко, одним прыжком. А эта смышленная девчонка, устроившаяся у него на спине, во время прыжка вообразила, что взлетает, и снова радостно рассмеялась. Жизнь казалась ей еще одной игрой, всегда невыразимо волнующей.

Пожитков у нее не было, только красные туфли.

Глава 3

Уехать он решил на поезде. Нормально идти в своих слишком больших для нее туфлях девочка не могла, поэтому он снял их и посадил ее к себе на плечи. Так, у него на плечах, она и сидела всю дорогу, настолько привыкла, что и

слезать не хотела. По дороге на вокзал он купил ей вишен, она выплевывала косточки ему за шиворот, и они скапливались под одеждой. Из-за небольшой простуды из носика постоянно текли сопли, и она вытирала их о его спину.

Наверное, тогда он понял, что слишком сильно любит ее. Когда он купил ей шарик у продавца воздушных шаров, она обрадовалась, но, подержав, отпустила, и шарик улетел. Купил сахарной ваты. Она пожевала без особого удовольствия, и в итоге вся вата оказалась у него на спине. Покупал и ветряную вертушку, и сахарный тростник, и букетики ландышей. Ей все нравилось, она принимала все с удовольствием. Но, немного поиграв, выбрасывала. Видно, особой радости не испытывала, и длилась она недолго.

Они приехали в маленький незнакомый городок. Поезд шел очень долго, уже спустились сумерки. Он высунул голову из окна. Небо казалось удивительно высоким, крохотные ярко-алые пятна в листве деревьев говорили о начале осени. Они и облака, плывущие по гаснущему вечернему небу, создавали впечатление, что все вокруг исполнено светом материнской любви. Из труб приземистых домиков поблизости поднимался дымок с характерным для юга ароматом риса. Пока он всматривался, девочка слезла со спины, высунула голову в окно перед ним и тоже стала глазеть по сторонам.

Они вышли из вагона в заливающую небо и облака вечернюю зарю. Из музыкального магазина слышался низкий мужской голос, исполняющий пылкую серенаду. Похоже,

жизнь здесь бьет ключом.

К тому, что произошло в ее раннем детстве, он больше не возвращался. И так ребенок необычный, да еще с поразительной способностью оправляться от ран. Вон как зажила рана на животике. Похоже, детские переживания никак не отразились на ней, она росла и росла себе, как деревце без веток, отмечая все, что мешало росту. Он мучился, вспоминая лицо ее матери в луже крови. Но тут же утешал себя тем, что погубили ее мать страсти, а он лишь орудие.

Раньше ее мать он никогда не видел, хотя знал, что она знаменитая художница. В высшем обществе эта элегантная женщина была известна легким поведением, заводила связи с мужчинами из богатых семей и славилась природной любвеобильностью. Молва приписывала рождение ее дочери «непредвиденным обстоятельствам», никто не знал, кто ее отец. Девочка не мешала матери вернуться к привычному образу жизни, и та по-прежнему очаровывала мужчин, причем из-за нее то и дело вспыхивали ссоры. К своему последнему любовнику, известному писателю, она, судя по всему, испытывала настоящую страсть. Вскоре оба запутались в сетях любви настолько, что стали появляться вместе на людях. Нередко он оставался у нее на всю ночь. В конце концов для жены писателя это стало невыносимо. Но она уже много лет была домохозяйкой, их ребенок вырос, и против более молодой и красивой соперницы у нее не было никаких шансов. А писатель расставаться с любовницей не хотел. Тогда жена

нашла киллера и заплатила круглую сумму за расправу с художницей. Все это, конечно, останется в тайне – таковы правила его ремесла.

И вот он забрался к ней в дом и убил. Встретить там ее маленькую дочку не входило в его планы, и он выстрелил в нее тоже по законам ремесла. Но того, что она чудесным образом выживет, он и предположить не мог. Не говоря о том, что снова встретит ее. Никак не входило в его планы и то, что он сделал – взял ее с собой.

Они остались в этом городке, и он приобрел уютное жилье. Обставил ей прелестную маленькую комнатку. Ей очень нравилось все красное, и он купил кроватку цвета красной розы, диванчик, обтянутый материей насыщенного розового цвета, темно-красный торшер и коврик цвета опавшей красной листвы. Почистил и подкрасил туфли, и они вновь стали ярко-красными. Положил в шкафчик в ее комнате, и она часто играла с ними.

Он понятия не имел, как ухаживать за маленьким ребенком, и родни, с кем можно было бы посоветоваться, у него не было. К счастью, по соседству жила женщина с одиннадцатилетним сыном. Стоя на веранде и глядя, как он заносит купленную мебель, она добродушно посмеивалась: мол, мужчине одному с дочкой ох как непросто. Он смущенно улыбался в ответ. Когда соседка готовила что-то вкусное, она всегда приходила угостить его и малышку. Ребенок ей очень нравился, десятилетние девочки уже достаточно большие, что-

бы вызывать симпатию. Жизнь наладилась. Он очень любил девочку, боялся, что она недоедает, и всегда накупал ей много дорогих и питательных продуктов. Девочка поправилась, щеки зарумянились. Всем она нравилась, но сама относилась к людям с каким-то рассеянным безразличием. Соседка, бывало, принесет ей пирожное, а она запихнет его в рот и спасибо не скажет, даже головы не поднимет. Но никто, похоже, не находил в этом ничего предосудительного, все видели в ней прирожденный аристократизм, отчего это высокомерие не выглядело чрезмерным.

Он устроил девочку в школу, но ей там совсем не нравилось. Во время урока она могла выйти из класса, встать на полуденном солнце, задрать голову, и долго наблюдать как зачарованная за птичьим гнездом. Однажды она решила залезть на дерево. И у нее это прекрасно получилось. Она ловко цеплялась тонкими ручками и ножками, как бельчонок. Залезла она лишь для того, чтобы вытащить из гнезда яйца. Какое-то время внимательно рассматривала их, потом подбросила в воздух, и от заключенных в скорлупе маленьких жизней, которые надеялись появиться на свет, остались маленькие лужицы. А она расплылась в довольной улыбке.

Пришлось вернуть ее домой. Даже не представляя, как с ней быть дальше, он не переставал бесконечно любить ее. Как-то они гуляли, и мимо прошла почтенная дама с маленькой собачкой на поводке. Девочка не отрывала от собачки глаз, и он решил, что собачка ей очень понравилась. Если

завести такую, возможно, она научится ухаживать за братьями нашими меньшими, заботиться о них и любить. И он купил чистопородную таксу – крохотную, с маленькими, как косточки абрикоса, словно влажными глазками, и очень милую. И вместе с маленькой бамбуковой конурой, цепочкой и набором для мытья вручил девочке:

– Теперь собачка твоя, нужно хорошенько за ней ухаживать.

Поначалу девочка жила с собакой в мире и согласии, любила водить ее гулять. Но потом стала воевать с ней, будто с врагом. Однажды он увидел, что у нее расцарапаны уголки рта, а у собаки ухо в крови.

– Ты бы с ней по-хорошему, – сказал он. – Она все понимает и может стать тебе другом.

Девочка из-за царапин не расстроилась и не рассердилась. Ей нравился новый враг, нравилось воевать с ним, и она дралась с собачкой так яростно, что та аж подвывала, обороняясь.

Через какое-то время он нашел собачку в ее маленькой конуре мертвой. Застывшее тело, коготки вверх. Он присел и обнаружил глубоко вогнанный в лоб гвоздь. Кровь текла из раны распускающимся пионом. Похолодев, он вдруг осознал, что правитель небесный послал ему девочку в наказание, чтобы он ощутил страх в душе – ведь, убивая столько лет, он считал, что страх ему уже неведом. С телом собачки на руках он подошел к ней. Девочка спокойно смотрела на

него и никакого чувства вины не выказывала. Наверное, испытывала лишь легкую досаду, что заклятого врага уже не будет рядом.

Сына соседки он считал туповатым, но славным малым, да и девочка ему очень нравилась. Он даже доверил этому мальчику провожать ее в школу и обратно. Девочка разрешала ему нести свой рюкзак, а сама шагала впереди, покачивая бедрами. Глядя на нее с веранды, он чувствовал, что, повзрослев, она наверняка станет такой же, как мать, оболстительницей, из-за которой мужчины сходят с ума. Но при мысли об этом душа начинала ныть. Печалился он не о том, что кто-то уведет ее. Он переживал, что рука этого ничего не подозревающего мужчины, лаская ее тело, скользнет вниз и наткнется на шрам. Для него этот шрам особенный, казалось, в нем сосредоточены все характерные черты и странности ее натуры. А шрам нанес ей он, словно даровав новую жизнь. Хотелось держать ее при себе, как сокровище, как произведение искусства, чтобы никто не смел дотронуться до нее.

Учась в школе первой ступени²³, девочка пристрастилась к фильмам ужасов. Он нередко покупал компакт-диски, и они смотрели их вместе, сидя рядом на диване. Девочка уходила в них с головой, но в отличие от обычных девиц страха не испытывала и не взвизгивала, а просто сидела и смотрела. И только самый кровавый или жуткий эпизод мог вы-

---

²³ Ступень средней школы, в которой обучаются дети с 12 до 14 лет.

звать у нее на лице довольное выражение. Его это удручало. Возможно, хотелось, чтобы она, как обычные девочки, от ужаса зарылась бы лицом ему в грудь. Он никогда не обнимал ее, потому что никогда не понимал тех, кто предъявляет требования к другим. Он считал, что люди обособлены друг от друга и между ними нет ничего общего. Он ни от кого не ждал даров или помощи. Но и сам не помышлял кому-то помогать. Девочка была исключением. Этого совершенно не поддающегося контролю чувства он и сам не мог объяснить. Словом, он не решался чего-то требовать от нее, не говоря уже о том, чтобы на что-то надеяться.

В тот день они смотрели фильм о женщине, которая жила в огромном особняке одна с большой собакой. Женщина очень любила собаку, но вот зубы собаки ее не устраивали. Она напихала ей полный рот льда, так что у той даже глотка не чувствовала боли. А потом клещами повыдергала зубы один за другим. Собака сидела, разинув окровавленную пасть, а женщина в восторге покрывала ее поцелуями. В пасти остались лишь мягкие, как мясное пюре, десны – вот красота.

Этот эпизод девочка смотрела крайне серьезно, даже глаза округлились, словно она попала в волшебную страну, где никто не бывал. Так погрузилась в это, что казалось, переживает опыт.

Не прошло и нескольких дней, как она применила этот опыт на практике. Вернулась позже обычного, но ничего

странного в ее поведении не было. Она поела, как обычно, посмотрела телевизор, послушала ни на что не похожую музыку. Вдруг раздался стук в дверь и послышался громкий женский плач. Открыв дверь, он увидел соседку всю в слезах.

– Разве твоя дочь человек? – воскликнула она. – Человек она, я спрашиваю, или исчадие ада?

За ней стоял ее дурачок сын. Весь рот в крови и слюне, густо смешанных, как пробивающиеся через закрытую трубу сточные воды. Мальчик раскрыл рот пошире, и стало видно, что там нет ни единого зуба, пустая полость, точь-в-точь как у собаки, которую они видели в фильме несколько дней назад.

Глава 4

Вручив соседке изрядную сумму, он забрал девочку и съехал. В городке они прожили три года, а теперь снова садились на поезд. Большую часть вещей из комнаты он отдал этой матери, тяжело переживавшей за сына, но красные туфли девочка взяла с собой.

В поезде они сидели друг против друга. Она чуть покачивалась, как маленькое озорное облачко, спокойно плывущее перед глазами. Он смотрел на нее, как не смотрел уже давно. Ей уже тринадцать, в изголовье кровати он видел пакет с прокладками и понял, что у нее начались месячные, уже взрослая. Все больше походит на покойницу мать. Высокий

лоб, округлые щеки, аккуратный подбородок — красавица да и только. Большие удлинённые глаза, яркая радужка. Губы, особенно верхняя, довольно пухлые, похожи на два лепестка, соблазнительные и волнующие. Она любила разделять волосы на пробор, заплетать и укладывать на затылке, как французская принцесса из восемнадцатого века. Это она по телевизору насмотрелась, уже разбирается, как волновать сердца. Но когда укладывает волосы на голове, видны ключицы. Они у нее сильно выпирают, а когда она подпрыгивает, на их месте образуются две овальные впадинки в форме чашечек, белоснежные как лепестки лотоса. Все такая же худенькая, ноги и руки — тонкие и длинные, особенно пальцы. Наверное, унаследовала от матери такие, которыми только и держать кисть. Взгляд переместился на ноги, от природы необычайно стройные. Уже угадывается порода, такие люди всю жизнь не толстеют. Красные туфли матери она больше не надевала, но обувь красного цвета по-прежнему любила, и он, увидев красные туфли, тут же их покупал. Так что красных туфелек у нее скопилось много — с квадратными носами, с узкими красными шелковыми ленточками, выкрашенные кореописом, с ажурной вышивкой цветов сливы, со сверкающими, как звездочки, стразами. Ей очень нравилось лето: можно надевать красные туфли на босу ногу, скидывать их в любой момент и выставлять ноги на солнце, чтобы загорали.

Он разглядывал ее молча и невозмутимо. Несмотря на все старания не выдать своей тайной любви к ней, скрывать это

становилось все тяжелее.

– Зачем ты вырвала ему все зубы? – наконец заговорил он.

– Он хотел поцеловать меня, вот я и сказала: дашь вырвать все зубы, тогда позволю. Сам захотел. – Договорив, она весело хихикнула, не чувствуя никакой вины.

– А ты знаешь, чем я занимаюсь? – спросил он. – Я киллер.

Ничуть не удивившись, девочка кивнула:

– Знаю, я трогала твой пистолет. Крутой он у тебя.

Он сказал об этом впервые. Раньше никогда не заговаривал о своем ремесле. За три года он ни разу не уезжал из городка и отказался бы от любого предложения убить кого-то за деньги. Он с самого начала решил, что денег у него уже достаточно. Больше опасался, что жизнь в бегах может быть неподходящей для девочки, и надеялся, что будет лишь беречь ее, как сокровище.

Прожив с ней три года, он обрел неведомое прежде равнодушие к славе и выгоде. Вокруг купленного дома был небольшой садик, там он сажал цветы и овощи. Каждое утро, проводив девочку в школу, надевал сапоги, простую грубую одежду и, засучив рукава, трудился в саду. Потом готовил девочке обед. Никогда не думал, что сам сможет готовить еду. Раньше торопливо перекусывал на улице, покупал горячий печеный батат или шкворчащую маслом жареную сосиску. Иногда, получив солидный куш, мог отправиться в шикарный ресторан и поесть всласть, так сказать, в награду за труды. Сидел за накрытым нарядной скатертью столом,

установленным превосходными блюдами. И каждый раз тяжелой волной накатывалось одиночество. Только в такие моменты вдруг появлялась надежда, что кто-то подойдет и разделит с ним удовольствие. А в течение этих трех лет – кто бы мог подумать? – он заставлял себя спокойно и терпеливо осваивать процесс приготовления рыбы. Иногда эти перемены тревожили его. Если не эта глубоко пронизавшая, всецело очаровавшая его девочка тому причиной, то что же?

С какой стати в этой, казалось бы, мирной обстановке, в поезде, он вдруг выложил ей, кто он такой? Может, потому, что уже постепенно ощущал, насколько сильно эта девочка привязала его к себе? Ее сила подчиняла стремительно, с невиданной скоростью. Казалось, даже при желании он не сможет главенствовать над ней. По сути дела, он никогда и не главенствовал, всегда шел на компромисс из любви к ней. Ему вдруг почудилось, что для девочки он всего лишь неопрятный мужчина средних лет. Ужасно расстроившись, он и решился сказать, кто он такой.

Но она осталась так же равнодушна и невозмутима. Он начал сомневаться, помнит ли она, что случилось, когда ей было четыре годика, занервничал и смущенно спросил:

– А что еще ты знаешь?

Не глядя на него, она скинула туфли, забралась с ногами на сиденье и хихикнула:

– Что ты пришел и забрал меня из детского дома. А еще ты хранишь мамины красные туфли, ты ее любовник, что

ли? Или все же мой папа? Хотя вряд ли. – Похоже, ей это представлялось занятым, и она лукаво пожимала плечами.

Он оцепенел. По беззаботному выражению ее лица можно было заключить, что она действительно не помнит событий прошлого. И он горестно покачал головой:

– Нет, я не твой отец. И не любовник твоей матери.

Девочка почувствовала его смущение и, по-прежнему не поднимая глаз, усмехнулась:

– Ты не переживай, меня это нисколько не волнует.

Он продолжал смотреть на нее, а она уже отвернулась к окну. Ее молчание и безразличие причиняли боль. Вдруг захотелось взреветь: «Это я убил твою мать! Вот он я! Смотри!» Лучше бы она ненавидела его, лучше бы накинулась с намерением убить. Но только не это безразличие, это равнодушное пренебрежение, это самое что ни на есть бессердечное отрицание.

Его охватило страшное волнение. Он вдруг понял, что она стала такая большая, такая взрослая, и, хотя они прожили вместе три года, получается, что ему не удалось добавить в ее жизнь ни капли своего: словно глухая от рождения, она не в состоянии воспринять то, что он хочет передать. Невыносимее всего было то, что по-прежнему нужно изо дня в день представлять перед ней, но уже не лихим киллером из прошлого, а заурядным мужчиной, каким он стал из-за нее, пригодным лишь готовить еду и заботиться о ней.

Изнутри рвался крик: «Это я убил твою мать, посмотри на

меня! Посмотри!» Но он сдержался. Поезд мчался вперед, в окно врывался ветер. Устроившись поудобнее, он неспешно пытался развеять скопившуюся на душе подавленность и досаду.

На одной из остановок девочка обратила внимание на выглядывавшее поверх деревьев колесо обозрения – белый каркас, разноцветные кабинки. Ни в детском доме, ни в городке, где они жили эти годы, колеса обозрения не было, она видела его лишь по телевизору и теперь рассматривала с любопытством. Вот он, переполняющий ее дух исследователя. Заметила даже медленно поднимающийся в небо воздушный шар с прыгающими на нем рожицами. Но только смотрит, ни слова не говоря, ни о чем просить не хочет. По выражению лица давно ясно, что ей очень хочется попасть в этот город, влиться в него, но она не хочет сказать об этом, прячась, как всегда, за этой своей противной маской безразличия. Но не может же он, в конце концов, допустить, чтобы в ней осталась хоть капля досады. И вот они уже сходят с поезда, и он ведет ее в этот красавец город.

Столько нового, просто глаза разбегаются! В парке аттракционов они покатались на колесе обозрения, на «американских горках», посетили аттракцион «Взбесившаяся мышь». В отличие от робких девиц она не взвизгивала. На нее эти большие ревущие игрушки воздействовали совсем по-другому. Было видно, что все это ей нравится, ей вообще нравилось все возбуждающее.

И он решил остаться с ней в этом городе.

Город дорогой, повсюду царит дух материального. Торговцы роятся на каждом углу, как мухи. Ему это было не по душе, но девочке нравилось, поэтому он и решил остаться. Все эти годы он не зарабатывал, да и жили они на широкую ногу. А если учесть крупную сумму, отданную соседке в качестве компенсации, то денег осталось совсем немного. Жилье удалось снять не очень удобное, и мебель он приобрел самую простую. Жизнь потекла, как и раньше в том городке. Он нашел школу для девочек, надеясь, что это ограничит контакты с мальчиками. Каждый день отвозил ее туда на мотороллере, а затем ехал на рынок за овощами. Девочка любила бульон из свежей рыбы, поэтому он часто покупал у торговцев только что пойманного живого карася. Потом встречал ее из школы. Ему нравилось отвозить и привозить ее, потому что она сидела позади и обнимала его за талию. Ее ладошки походили на присосавшиеся к нему мелкие морские звезды. Город был приморский, и они возвращались домой по набережной, местному «бульвару Сансет». Ветер с моря задувал ему в рукава и развевал ей волосы. По дороге они не разговаривали. Когда сильно припекало, он останавливался, покупал ей мороженое, и они ехали дальше. Как и в детстве, девочка ела очень неаккуратно. Дома, сняв рубашку, он видел потеки от мороженого. Но на душе было тепло, он словно возвращался на несколько лет назад, когда она была маленькой.

Жили они в двух комнатах, каждый в своей. Комнаты были смежными, и их разделяло большое окно с занавеской. Ткань он выбрал очень тонкую, почти прозрачный тюль, и сквозь нее все было видно. Каждый вечер после ужина она уходила в свою комнату, он в свою. Он включал телевизор и садился на диван, но смотрел в занавешенное окно, наблюдая, как девочка переодевается, пьет воду, смотрится в зеркало, танцует под музыку. Окно привлекало его гораздо больше, чем телевизор. Незаметно для него самого все внимание на нем и сосредоточилось. К ценителям женской красоты он себя не относил, наоборот, полагал, что женщины – эти порочные, презренные животные, которые ненавидят бедность и обожают богатство, – ему вообще не нужны. Желания он не испытывал, возможно потому, что убил не одну. Он проникал в спальни, убивал в ванной или в постели. Иногда они были обнажены, но когда он уходил, всегда лежали в луже крови, и от этого их облик менялся. Мертвое тело в его глазах походило на выжатую половую тряпку, всю в складках и морщинах. Такой он женщину всегда и представлял. Какая уж тут красота или желание!

Что же до девочки, он не упускал возможности глянуть на нее хоть одним глазком. Ему нравилось смотреть, как она вытягивает руки, переодеваясь, и обнажает шрам внизу живота, подобно тому, как медленно раскрывающаяся раковина являет взору ослепительно сияющую жемчужину. Нравилось и как она пьет воду из большого стеклянного стакана, и

как играет локонами волос. Нравилось, как она с потрясающей самовлюбленностью рассматривает себя в большом зеркале, как, слегка простудившись, вдруг чихает, а потом бессознательно трет нос. Ему нравились все ее движения, это было больше, чем влюбленность или увлеченность, она стала для него статуэткой ручной работы, его бесценным сокровищем.

Девочка наверняка чувствовала на себе его взгляд. Но этот взгляд словно проходил сквозь нее, она не обращала на него внимания. Дверь в комнату она никогда не запирала, раздевалась у него на глазах, обтиралась, примеряла бюстгальтеры, красила ногти. И занавеска для нее словно не существовала, она никогда не задергивала ее, даже окно открывала, и он вдыхал аромат духов, смешанный с запахом лака для ногтей. Случалось, она забывала взять с собой в ванную чистое белье и выскакивала оттуда голышом. Ей все было безразлично.

Просыпаясь на рассвете, он бросал взгляд в окно. Девочка еще спала. Посмотрев на нее, он выходил с сигаретой на веранду. Иногда брал с собой пистолет, чтобы подержать его в руках, но однажды вдруг ощутил его тяжесть и ледящий холод. И больше не касался этого своего товарища, который был с ним не один десяток лет. Оцепенело уставившись на диск солнца, который медленно пробивался в тонкой расцветной дымке, он думал, что от жизни вроде бы больше ничего и не надо – лишь вот так спокойно и мирно проводить

дни рядом с девочкой. Как и хотелось бы мужчине средних лет без особых достоинств и интересов.

Глава 5

Девочке исполнилось пятнадцать. Он повел ее в самый большой магазин и предложил выбрать подарок. Она остановилась на небольшом фотоаппарате с множеством функций, и он купил его. От радости она щелкала по дороге все подряд. Хотела снять и его, но он хмуро повернул голову в сторону и уклонился.

– Меня в жизни никто не фотографировал, – сказал он строго. – Только в полиции при задержании делали снимок для приобщения к делу.

Она пожала плечами, высунула язык от удивления. Потом отвернулась и стала фотографировать что-то другое.

С тех пор это стало увлечением. Она постоянно ходила с фотоаппаратом через плечо, и всюду слышалось клацание затвора. То, что она снимала, отражало ее характер, не такой, как у всех. Казалось, ей совсем неинтересно фиксировать что-то красивое. Ей нравились лишь жуткие вещи, заставляющие трепетать от страха. Однажды он посмотрел ее снимки и подивился: где она только находит такое? Колченогая собака, туго обмотанная белой нейлоновой веревкой, лежит, задрал лапы; лягушка, словно покрытая красным лаком, недвижно сидит на листе лотоса – не поймешь, живая

или нет; безобразная старуха с головой, усыпанной шишковидными наростами, увлеченно грызет гнилое насквозь яблоко... Девочке собственные творения очень нравились. Она развешивала их на стенах комнаты, в изголовье кровати, над письменным столом.

Сказав, что хочет поснимать по дороге, она попросила не провожать ее в школу. Настаивать он не мог и согласился, что она будет уходить и возвращаться сама. А возвращалась она все позже. Он сдерживался, вопросов не задавал, лишь молча наблюдал за ней. Девочка научилась печатать и каждый вечер могла подолгу возиться со снятыми днем негативами. Снимков на стенах становилось все больше.

В один прекрасный день он увидел на фотографии обнаженное мужское тело, и его всего будто пронизала боль. Он повернулся и вышел, раздраженный и негодующий.

Ужинали в молчании. Но было видно, что обоим хочется что-то сказать. Наконец заговорила девочка:

– Я хочу новый фотоаппарат, самый лучший.

Она обратилась к нему с просьбой впервые. До этого всегда вела себя так, будто ей ни до чего нет дела. Вроде был повод обрадоваться: девочка наконец что-то у него попросила, значит, не совсем он для нее бесполезный. И он обязан был согласиться. Но момент был неподходящий, он страшно переживал. Фотоаппарат казался ему колдовской коробочкой, из которой вылетел жуткий, отвратительный злой дух, он соблазняет девочку, она чем дальше, тем больше будет свора-

чивать на дорожку, ведущую прочь, и нет никакой возможности удержать ее. Вот он и сказал:

– У тебя же есть один? К тому же ты и так слишком увлеклась им, тебе не кажется?

Девочка замерла, потом холодно усмехнулась. Она наверняка не ожидала отказа. Привыкла, что ее любят, что можно получить все, что хочешь, даже не раскрывая рта. Думала, что если сама заговорит, тем более добьется чего угодно. Но он отказал. Больше она не просила. Его вдруг охватило раскаяние: не нужно было отказывать, как он вообще может отказать ей? Девочка встала и вышла из-за стола. В тот вечер они не сказали друг другу ни слова. Но ничего необычного в ее поведении не было. Она так же печатала фотографии, развешивала их сушиться, принимала душ и так далее.

На другой день она, как обычно, стала собираться в школу. Он не спускал с нее глаз, пока она ходила перед ним туда-сюда, но не находил слов. Вечером она не вернулась. Он подождал ее до ужина, но в конце концов не выдержал и отправился на поиски, хотя совсем не знал, с кем она водила дружбу. Зашел в школу, но там никого не было. Оставалось лишь бродить по дороге, по которой она обычно возвращалась. Он искал на берегу моря, искал около магазина фототоваров, у супермаркета, у магазина бытовых товаров, у ресторанов... Но безуспешно. Магазины закрылись, и он расстроенный вернулся домой. Она не пришла ночевать впервые. Не откажи он ей в просьбе, такого наверняка не случи-

лось бы. Он не переставал упрекать себя, никогда еще так не раскаивался.

Всю ночь он не сомкнул глаз, сидя в гостиной и прислушиваясь к каждому шороху, в надежде, что вдруг послышатся ее шаги по лестнице и звук отворяемой двери. Но миновала полночь, а в доме царила мертвая тишина.

Так он всю ночь и просидел.

К рассвету она так и не вернулась. И он вновь отправился на поиски. В школе узнал, что ее нет уже второй день. Еще больше встревожившись, стал расспрашивать одноклассниц. Но, похоже, девочка не очень-то с ними общалась, и никто не мог сказать, где она может быть. В полдень он вернулся домой. Дверь отперта. Торопливо вошел: она была дома.

Когда он подошел, девочка сидела над остывшей вчерашней едой и жадно запихивала в рот засохший рис. Сердце заныло: ведь два дня, наверное, ничего не ела, и все из-за того, что на него дуется. Пошел на кухню, быстро поджарил кукурузы и сварил рыбный бульон. Принес и поставил перед ней. Она тут же набросилась на еду – голодная, видать, ужасно. Ничего не объясняла, а он не спрашивал, уже успокоившись. Хорошо, что вообще вернулась. Наевшись, девочка ушла в свою комнату.

Через окно он с удивлением увидел, как она достает из школьной сумки фотоаппарат с невиданно большим объективом, не тот, прежний. В испуге он влетел к ней:

– Откуда у тебя этот фотоаппарат?

– Подарили.

– Разве можно просто так брать что-то у других? – строго заметил он.

– Ничего не просто так. Это обмен, – тут же возразила девочка.

– И на что же ты менялась?

– Провела с ним день и ночь, – последовал невозмутимый ответ.

– Чем ты с ним занималась? – в бешенстве зарычал он.

– Любовью. – Тоже сказано без тени смущения.

Ну вот он и услышал то, чего больше всего боялся. Боялся так, что гнал эти мысли из головы. Его страшил прежде всего урон, который будет нанесен ему самому. И все же это случилось. Его маленькое произведение искусства, его сокровище!словно ухнув в раскрывшуюся в душе пропасть, он сокрушенно прошептал:

– Неужели ты такая дешевка? За фотоаппарат?

Уголки ее рта вздернулись, и она неспешно проговорила:

– А тебе не все равно? Ты ведь тоже, наверное, шел на сделки, которые и фотоаппарата не стоили. Ничего постыдного, заработано своим трудом, разве не так?

Он умолк, глядя на нее: нет, это не пятнадцатилетняя девочка. Видимо, он совершил ошибку, и скорее всего еще тогда, когда взял ее за руку и увел с собой. Ведь, по сути дела, она – его отражение. В девочке он разглядел себя самого. Вот, наверное, почему при первой встрече с ней в глаза уда-

рил слепящий, режущий глаза свет. Раз она – его отражение, она и отражает все резкое и неприятное в нем самом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.